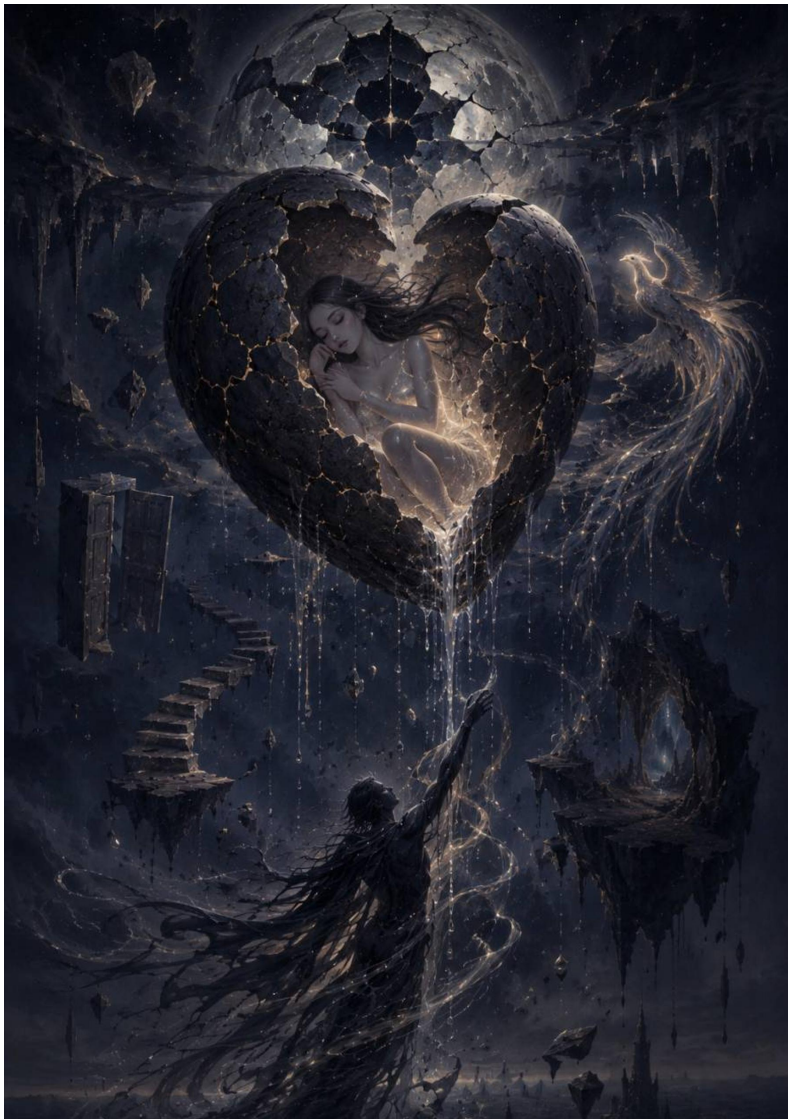

Неичето Неичето

Этюды о Небесной Герцогине

<https://litres.ru/74600383>

SelfPub; 2026

Аннотация

Эта книга родилась из большой любви, из большой трагедии, она есть порождение союза наших душ, дитя нашего единения. Я написал её, потому что хотел подарить нашей любви вечную жизнь. Чтобы даже когда нас обоих однажды не станет, она не растворилась бы во тьме без остатка, а стала частью Великого Космоса, поселилась где-то на небесах, мерцая яркой звёздочкой, освещающая дорогу заблудшим душам.

Пусть же страницы эти впитают мои самые тёплые и нежные чувства к тебе, мою нестерпимую боль, мою неистребимую тоску, мою жажду твоего присутствия. Пусть любовь останется здесь навсегда.

Содержание

Предисловие	4
До начала времён	5
Пророчество	9
Сотворение мира	11
Рождение Царя Всех Ветров	17
Рождение Небесной Герцогини	20
Озарение	22
Счастливые мгновения	43
На краю бездны	54
Первое письмо Небесной Герцогини к Царю Всех Ветров	59
Лабиринт	61
Падение	85
Встреча с Дочерью Пустоши	88
Разлад	92
Конец ознакомительного фрагмента.	96

Этюды о Небесной Герцогине

Посвящается Полине

*And I'll love you 'til the grass around my gravestone
is deceased*

<i>Fontaines D. C.</i>

Предисловие

Эта книга родилась из большой любви, из большой трагедии, она есть порождение союза наших душ, дитя нашего единения. Я написал её, потому что хотел подарить нашей любви вечную жизнь. Чтобы даже когда нас обоих однажды не станет, она не растворилась бы во тьме без остатка, а стала частью Великого Космоса, поселилась где-то на небесах, мерцая яркой звёздочкой, освещая дорогу заблудшим душам.

Пусть же страницы эти впитают мои самые тёплые и нежные чувства к тебе, мою нестерпимую боль, мою неистребимую тоску, мою жажду твоего присутствия. Пусть любовь останется здесь навсегда.

До начала времён

Из гармонии хаоса был рождён Дух Первоначал Всего Сущего. Он создал свет и тьму, разделил небо и землю, от него произошли Великий Отче – повелитель времени, хранитель ткани мироздания, Всесильная Матерь – богиня земли, три нимфы-сестрицы, богини судьбы, – Амидала, Сагдаяла и Сахидара. Все они наполнили мир жизнью, запустили ход времени, создали первых людей, установили основные законы бытия.

Но небо по-прежнему оставалось пустым, и мир пребывал во тьме. Тот свет, что создал Дух Первоначал Всего Сущего, был мёртвым. И увидев это, Дух Первоначал Всего Сущего своим клинком пронзил Неистовую Тьму и высек он одну-единственную искру. Из искорки той родилась Небесная Герцогиня, Селеда – прекрасная зеленоглазая дева, владычица небес, которая должна была принести в этот мир подлинный свет – тот, что дарил бы тепло и мог сокрушить Неистовую Тьму.

Только вот вечным сном спала Небесная Герцогиня в этой тьме. И никто не мог её пробудить. И первые люди страдали, умирая от холода и голода. Возмолились они богам. И спустились к ним тогда три сестрицы и пообещали скорое избавление. Они поили их своим молоком – и так избавили от голодной смерти; они пели им весёлые, бодрые песни, водили

хороводы – и так избавили их от холода.

А колесо судьбы меж тем вращалось. Великий Отче задумчиво курил трубку и бросал кости каждые двенадцать тысяч лет. И всякий раз выпадали ему числа 2 и 5. На седьмой бросок колесо остановилось. И видны на нём стали два символа – небо и ветер, и слова проявились на нём: «Iterum iuncta». И узрел в этом Великий Отче знамение. И радостные возгласы трёх сестриц услышал он. Предстали они перед ним, озарённые благодным одухотворением и сказали хором: «Ветер изгонит гордость небес! Смахнёт он с лица её проклятье вечного сна и забвение, одарит нежным поцелуем – и явится тогда Владычица Небес во всём своём величии!».

И принялись вновь кружиться нимфы в весёлом хороводе. И кружились они так бодро, так неистово даже, что воздух стал сгущаться. И возникла загадочная субстанция, Вещество, заполнившее мир пурпурным туманом. Из этого тумана вышел Мавинд, Царь Всех Ветров. И мир пришёл в движение.

И когда увидел он Небесную Герцогиню, бесконечно прекрасную, погружённую в вечный сон, объятую Неистойой Тьмой, то оказался охвачен сей муж самым светлым, самым нежным и пронзительным чувством; столь сильным, что не мог он ему противиться; и снизошло на него Озарение. И сказал он тогда:

– Что за деву прелестную видят глаза мои? Отчего вдруг так сердце трепещет моё? Это ли не избранница моя?

И тянул Мавинд к ней свои руки, и приблизился он к ней, взглянул на неё растерянно, стал любоваться ею. И Вещество навеки связало их священными, нерушимыми узами. И нити золотистые длинные заплели три нимфы-сестрицы. Было всё решено отныне навеки.

– Что за сны тебе снятся, краса моя? – вопрошал Мавинд и ласково коснулся лица Герцогини. – *Je veux qu'on se voit.*

И затаились все в предвкушении, затихла вся вселенная, все взгляды были прикованы к ним двоим.

– *Tu mihi totus mundus es,* – прошептал ей в губы Царь Всех Ветров. – Ты для меня целый мир! – И поцеловал он её.

И раскрыла тогда дивные свои зелёные глаза Небесная Герцогиня, пробудилась она ото сна и окончательно пленила Мавинда.

– Я и не думала, что в жизни так бывает, – сонным голосом произнесла она, глядя на того, кто её пробудил. – *Ubi sunt? Ubi nunc?*

И протянула она ему свои руки, и слились они в объятьях. И воскликнула восторженно Небесная Герцогиня:

– Вижу! Снова ты со мной, мой милый! Как долго я ждала тебя! Во тьме беспредельной блуждала, искала тебя! Это правда ты?

– Это правда я. И теперь мы всегда будем вместе!

И слились они в самом нежном поцелуе. И возликовал весь мир. И ярким тёплым светом озарился Линдеракс. И наполнили движением и смыслом всё мироздание Мавинд

и Селеда, зажгли они звёзды, породили первые планеты и все явления природы. И потекли по их повелению бурные реки, и вспенились воды морские, возвысились горы, наполнились деревья спелыми, румяными, сладкими плодами, и птицы воспарили в небесах, и луна была возлюбленной ночи, а Первозданный Феникс криком своим возвещал о начале царствования неба и ветра.

И восседали на тронах во дворце Единства Небесная Герцогиня и Царь Всех Ветров. И славил их народ, ибо были они справедливыми и мудрыми правителями; а бродячий музыкант по имени Броский Отшельник сочинил во славу их торжественный гимн. И за всем этим издали с ненавистью и жгучим презрением наблюдала Дочь Пустоши.

Пророчество

И было в мире повелено так. Началом всему станут Небесная Герцогиня и Царь Всех Ветров. А потом их ждёт разлад. Они проведут вечность в муках, тоске и блужданиях по мирам и вселенным. Они будут вечность искать друг друга. Пока не найдут. На одной далёкой звезде. Небесная Герцогиня будет растерянной девчонкой, а Царь Всех Ветров – всего лишь глупым мальчишкой. В глазах её он увидит отражение прежних времён. И будет ему Откровение. Он полюбит её сильнее, чем ветер любит облака, а она будет любить его так, как гроза любит небо. Она откроет в себе целый мир. Она породит Вещество. Вместе с ним. Она станет Небесной Герцогиней. Но это будет потом. А пока они смогут наслаждаться тем временем, что им отпущено. Будущий Царь Всех Ветров скажет ей, что прежде такое с ними уже случалось. Что они были вместе когда-то очень давно. Но затем им пришлось расстаться. И это было ошибкой. Чередой ошибок. И они стали искать друг друга. По всем мирам, по всем вселенным, по всем временам. И они встретились вновь. Но не помнили себя прежних. Только смутно о чём-то догадывались. И радовались тому, что суждено им было встретиться. И много нежных слов будет сказано, много обещаний сделано, много будет клятв дано. И Великое Единение возникнет. Но затем вновь случится разлад. И сердца бу-

дут разбиты, мир – расколот. Будет совершён тяжкий грех. Так круг замкнётся. Она переродится как Небесная Герцогиня, а он – как Царь Всех Ветров. И будет создан новый мир. И будут они блуждать по нему, надеясь однажды вновь обрести друг друга. И когда-нибудь непременно так и случится. И восстановится Великая Гармония, и любовь оживёт. И не узнают они больше горя. И будут вместе до скончания времён. Таково пророчество.

Сотворение мира

Раскаты грома пробуждают меня от вечного сна. Я открываю глаза и вижу в небе деву столь поразительной красоты, что луна светом своим ласкает лишь её одну. Зелёные глаза таинственной красавицы источают мягкое, нежное, пленительное сияние, волосы её развеваются дикий, необузданный ветер, самая неистовая тьма окружает её. И она сокрушает эту тьму. Взмахнув руками, дева вращает новорождённые планеты, она зажигает звёзды и самозабвенно кружится в танце под музыку сфер.

Я восторженно люблюсь девой, и сам ветер гонит меня к ней, а сердце моё трепещет, оно отчаянно жаждет её. И эта жажда заполняет собой всё вокруг; а смешиваясь с тем сиянием, что источают глаза её, она порождает таинственное вещество, некий густой, пурпурный, едва зримый туман, что навеки связывает нас вместе и становится первоосновой всего сущего.

И вот оказываюсь я уже совсем рядом с девой, я нежно беру её за руку, заглядываю прямо в глаза. А она смотрит на меня в ответ ошеломлённо, будто великая истина ей открылась только что, и обрушивает она на меня тем самым всю невыразимую красоту своей души.

Я подхожу к ней ещё ближе. И ласково касаюсь ладонью её лица. Она не противится. И тогда я целую её бледно-розо-

вые, ангельские, пленительные губы – средоточие всех моих самых смелых мечтаний.

Так зародилась наша любовь.

И всё вокруг вдруг переменялось, тьма отступила совсем, мир раскрылся перед нами во всём своём великолепии. И с трепетом прильнула ко мне дева. И раздался в вышине крик Первозданного Феникса. И воспарил он над нами. И одарил нас всеведущим знанием. И все мгновения былых времён и всевозможных реальностей предстали перед нами. И открылась всецело так нам великая истина. Я – Царь Всех Ветров, властитель мироздания, а она – Небесная Герцогиня, прародительница всего сущего. И выше нас только Великий Отче и Всесильная Матерь. Они наблюдали за нами с самого начала. И благословлён был ими наш союз. И ударил посохом своим единожды Великий Отче и провозгласил:

– Iterum iuncta! Да будет вечным священное ваше единство!

И возникла так под ногами нашими высокая гора, названная горой Непреложного Единства, и виден вдали стал сад Светлой Гармонии, и озеро Умиротворения, известное также как озеро Нежелательного Предчувствия, и все другие места, которые предстояло нам посетить. И расцвело всё вокруг, и сделалось таким прекрасным, что Всесильная Матерь запела трогательную, пронзительную песнь светлой тоски томительного ожидания. В песне той пелось о том, как благостно и радостно, что Царь Всех Ветров и Небесная Гер-

цогиня вновь обрели друг друга; и что мир теперь вновь будет жить, поражая всех нас своей красотой. Пелось в ней и о том, что этому предшествовало. О тысячах наших имён, о наших слияниях и разлуках, о нашей боли и страданиях, о попытках вернуть всё обратно. И о том, как являлась мне во снах и видениях Небесная Герцогиня, а я не мог её отыскать.

Но теперь мы наконец были вместе. И души наши слились воедино. И я целовал мою любимую, я пребывал в её объятиях. И счастьем моим не было предела.

Закончив песню свою, Всесильная Мать подошла к нам, взяла нас обоих за руки и сказала:

– Священное единство ваше должно закрепить торжественной клятвой. Встань же ты теперь на колени пред избранницей своей, Царь Всех Ветров, и поклянись ей в вечной верности, в стремлении беречь её ото всех бед, дарить ей всю любовь и нежность, на какую только способно сердце твоё.

И я встал на колени, поцеловал руку Небесной Герцогини и, глядя в её дивные зелёные глаза, полные мудрости, сказал:

– О прекраснейшая дева моя, Медведица, Кошка, Белка, Селеда, пред очами всех высших существ клянусь тебе в вечной верности и стремлении беречь тебя ото всех возможных бед, клянусь дарить тебе всю свою любовь и нежность, на какую только способно сердце моё.

– И ты, – обратилась теперь Всесильная Мать к Герцогине, – Владычица Небес, поклянись возлюбленному свое-

му, что будешь верной ему всегда, что будешь принадлежать лишь ему одному и никогда не оставишь его ни в беде, ни в горе, ни в болезни.

Герцогиня поцеловала меня в лоб и, глядя в глаза, сказала:

– О мудрейший и всесильный, несущий благо, и свет, и гармонию, Царь Всех Ветров, клянусь тебе, любимый мой, в вечной верности и в том, что буду принадлежать лишь тебе одному, тебе я дарую сердце моё, и никогда я тебя не оставлю. Ни в беде, ни в горе, ни в болезни.

И скрепили мы поцелуем наши клятвы. И в небе высыпали звёзды в форме символа Великого Предела – то отражало совершенство гармонии нашего слияния. И тысячи нимф и сатиров были рождены, и кентавры появились на свет, и Лампады, и Геспериды, и Гиады, и менады, и гандхарвы, и хариты, музы, и множество других созданий. Радостно приветствовали они нас и кричали:

– *Iterum iuncta!* Да будет вечным священное ваше единство!

И Всесильная Мать надела на голову Небесной Герцогини корону, украшенную бриллиантом и звёздами инь-ян. А Великий Отче даровал воздушную корону мне. И на плечи наши надели они мантии, сшитые Первозданным Духом Всего Сущего ещё до начала времён. Моя была бордовой и хранила она в себе все ветра, которыми я мог повелевать. Мантия же Небесной Герцогини была синей, и все звёзды, все облака и тучи были заперты в ней.

После Великий Отче поднёс нам шкатулку, в которой лежали два медальона.

– Эти медальоны, – пояснил Отче, – станут символом вашей нерушимой связи. Тот, что с сапфиром – твой, Небесная Герцогиня. А тот, что с селестином, принадлежит тебе, Царь Всех Ветров. Каждый из вас должен взять медальон другого, прошептать в него слова, которые будут оберегать вас и вашу любовь, и затем даровать их друг другу.

– А что это должны быть за слова? – спросила Небесная Герцогиня.

– О, это должны быть совершенно особенные, исключительные слова, дочь моя! Те, что обитают глубоко в сердцах ваших, как рыбы в океане, и ждут своего часа, дабы впитать в себя всю силу вашей безграничной и воистину прекрасной любви!

– А сколько должно быть слов? – спросил я.

– По две фразы от каждого, – ответил Великий Отче. – И начнём с тебя, Царь Всех Ветров.

– Хорошо, – кивнул я. И закрыл глаза. Заглянул в сердце своё. И выудил оттуда нужные фразы. Я открыл глаза теперь и сказал: – Я готов.

Отче бережно поднёс мне медальон Герцогини, и я прошептал в него:

– Veridis Quo. Je veux qu'on se voit.

Затем была очередь Герцогини. И склонилась она над изумрудным медальоном и прошептала:

– Iterum iuncta. Ubi sunt?

И я повесил медальон Небесной Герцогине на шею, и она сделала то же самое. И в нежном поцелуе мы слились вновь. И возликовали нимфы да сатиры и все прочие создания, и трижды прокричал Первозданный Феникс, а символ Великого Предела в центре вселенной воссиял ярче прежнего.

И так стали мы единым целым, так был создан наш мир. И имя ему было – Линдеракс.

Рождение Царя Всех Ветров

Меня здесь нет и никогда не было на самом деле.

Меня не было, когда Великий Отче открыл мне глаза, смыв с лица моего чёрную грязь былых ошибок и проступков. Меня здесь не было, когда Всесильная Матерь освободила меня от Пустоты и благословила в путь. Меня не было, когда открылись двери и хлынула печаль. Меня не было, когда возникло Вещество. И когда оно заполнило наш мир. Меня не было, когда в предрассветном небе воспарил Первозданный Феникс. Меня не было, когда мир вышел мне навстречу и завертелась карусель жизни. Не было, когда я радовался солнцу и возможности бежать ему навстречу. Меня не было, когда иссохли колодцы. И когда мой корабль унесло бурей напрасных надежд, туда, где не горят огни. Меня не было, когда я влюбился в луну. И когда зашторил все окна, отгородившись от толпы. Меня не было, когда я всецело осознал своё одиночество. И свою непреодолимую отчуждённость. Я будто вечно был заперт за стеклом. И потому меня здесь не было, когда улицы вдруг оказались пусты. И когда я видел только звёзды в чёрном небе, что говорили со мной. Меня не было, когда сердце моё впервые вдребезги разбилось. И когда я шёл по мосту среди ночи неведомо куда, и мне показалось, что я вижу тебя. Хотя я тебя даже не знал. Меня не было там. И меня не было здесь. Меня не было нигде. Пото-

му что ты была не со мной. И меня не было здесь, когда я узнал, что такое ложь и предательство. И когда я запер дверь и сказал, что хватит с меня, это тоже был кто-то другой, а не я. Меня не было, когда я впервые увидел смерть и пожал ей руку. Меня не было, когда я погрузился в себя слишком уж глубоко, и стал, наконец, самым собой. Меня не было здесь, когда прогремел мерзкий, злобный смех и все пальцы стали указывать в мою сторону, а лица – нет – маски! – обнажили свой безумный оскал. Меня не было, когда я слышал, что странностям моим нет числа. И что простить их никак нельзя. Меня не было, когда я стал забывать, что такое счастье. И когда обнаружил собственное Отсутствие.

Но когда я протянул руку, чтобы заслониться от слишком уж яркого солнца, которое мне к тому времени осточертело, я вдруг коснулся твоего лица. И все преграды рухнули. Я обрёл тебя. И тогда я – возник.

И я стал Царём Всех Ветров – тем, кем сны предрекали мне стать. И я отправился за тобой в долину Несбыточного Счастья. И я узнал, что есть мир, где властвует Гармония, где всё внезапно само по себе встаёт на свои места; где всё сплетается в единый узор теми нитями, что навсегда связали наши души. И так было всегда, так было задолго до того, как мы впервые встретились, задолго до того, как зажглась первая звезда. Просто мы об этом не знали, мы этого не замечали, быть может, даже отрицали. Но любовь беспощадна – она несёт с собой великую истину и дарит прозрение.

И голос твой, я помню, полнился такой пронзительной, нестерпимой нежности, что музыка его пробудила саму вечность. И в сердце моём расцвели прекрасные цветы, которые ты сорвала и которыми прокладывала нам дорогу к украденным снам.

Ты смеялась и пела. И на душе у меня будто гулял сам ветер – так мне было легко, свободно и спокойно. Я расписал небо символом нашего непреложного единства. И я создал Нерушимый Закон нашей вселенной. И гимном нашей любви стала музыка сфер. И Великий Отче на пару с Всесильной Матерью благословили наш союз.

А мы танцевали, танцевали и танцевали, кружились и кружились. И вся вселенная сотрясалась в грандиозном экстазе, от которого не было спасения. И умирающие листья вторили нашему танцу. И мириады снежинок – тоже. Мы наслаждались нашим счастьем. И это длилось целую вечность. Или несколько коротких мгновений – тут никогда нельзя сказать наверняка.

Но я был здесь, с тобой. Теперь я точно – *был*. Я чувствовал тебя, моя Небесная Герцогиня. Я целовал тебя, я тебя касался. Я был частью тебя, а ты – частью меня. Мы были единым целым. И вот мой посох, вот моя мантия, моя корона, медальон на моей шее, мой перстень. Всё это – доказательство того, что всё было взаправду, что мы были настоящими.

Так был рождён Царь Всех Ветров. Так возник наш мир. А всё остальное уже было потом.

Рождение Небесной Герцогини

И когда не было ничего, кроме Неистойой Тьмы, Дух Первоначал Всего Сущего пронзил её своим острым клинком и высек искорку жизни, из которой на свет появилась прекрасная душа той, кому суждено будет стать Владычицей Небес.

Но сперва должна была она пройти множество испытаний. И судьба занесла её в обычный российский город, где все точки сходились воедино. Второго июля две тысячи второго года Селеда родилась на Земле под иным своим именем. И была она простой девчонкой. И блуждала она днём среди могучей, устрашающей серости мегаполиса, и непреодолимое одиночество безжалостно пронзало сердце её, она была всюду чужой, брошенной, всеми покинутой, и ощущала она тягу к звёздам и мечтала однажды оказаться среди них; а по ночам, сама того не ведая, отправлялась Селеда бороздить бескрайние просторы вселенной, являясь во снах тому мальчишке, с кем была связана священными узами её мудрая душа. И тянула она к нему свои руки, и пыталась увести его туда, где царит совершенная гармония, где небо и ветер сливаются в новую субстанцию. И бежала она вместе с ним навстречу сиянию звёзд и голосу ветра, растерянная, напуганная, она искала выход, она искала путь к единению. Но всякий раз тьма разлучала их, разрывая ткань пространства снов. И всё начиналось сначала. Снова и снова. И взгляды-

валась Селеда в воды своего любимого озера, на берегу которого проводила она много часов, и видела она всё былое, грядущее и вероятностное. Вот только сила небес была ей ещё неподвластна, дремала она где-то глубоко в душе Селеды. До тех самых пор, пока не повстречала она наконец того, кто был наречён Царём Всех Ветров. Пятого февраля две тысячи двадцать пятого года. День их нового слияния. Это было предрешиено с самого начала. И когда предстал перед ней Царь Всех Ветров, она сказала:

– Я и не думала, что в жизни так бывает.

Тогда вспыхнуло в глазах Селеды яркое зелёное пламя, и она стала собой. И коснулась она звёзд. Мечты её воплотились в реальность. Она могла повелевать небом.

Озарение

И не было ничего, кроме серой, унылой обыденности, кроме чувства беспросветной, неистребимой тоски, которую она порождала.

А посреди всего этого – я. Простой парень. Хотя уже взрослый мужчина скорее. Двадцать девять лет как-никак! Ричи Эдвардс столько не прожил, к примеру (если верить тому, что он и правда умер). Но я не Ричи Эдвардс. Я не смог просто исчезнуть. Пусть и очень хотел.

После окончания университета, спустя шесть долгих лет попыток социологической наукой, я, не сумев обустроить свою жизнь, вернулся в родной город, не зная, что мне ещё делать.

Но и там не нашлось мне места (Стоило ли ожидать иного?). Так что я не придумал ничего лучше, чем слоняться по городу, без конца слушать музыку, философствовать нескладно, играть в шахматы, музицировать, читать книжки, встречаться со школьными друзьями, которых не видел очень давно, пересматривать из раза в раз старые фильмы. В общем, изо всех сил стремиться избегать столь пугающей меня действительности.

А действительность была жестокой, бескомпромиссной. И никак не могли мы с ней договориться. Так что я махнул на всё рукой и стал ещё сильнее от неё отдаляться. Это привело к тому, что я начал писать роман.

Большущий такой, массивный и сложный роман о парне, страшно напуганном перспективой стать таким же, как все. И жизнь удручает его настолько, что в один из дней он решает с ней расстаться. Но в тот момент, когда он оказывается предельно близок к воплощению этого своего решения, ему встречается прекрасная и загадочная девушка, которой он очаровывается. И он уходит вслед за ней, отказываясь таким образом от прежнего своего решения. Ну а дальше за этим следует, очевидно, целый ряд событий, который приводит к определённым последствиям.

Идея этого романа возникла у меня давным-давно, когда в один прохладный, но солнечный весенний день явилось мне видение: прекрасная (само собой) зеленоглазая девушка, облачённая в длинное чёрное платье, танцует со мной дождливой ночью в старом готическом замке. И мы влюблены, мы смеёмся и радуемся тому, что мы снова вместе. При этом я – тот, кто наблюдал это видение – испытывал присутствие вечности, ощущение предельного счастья, небывалой гармонии и пьянящего умиротворения.

Это стало в итоге финальной сценой романа. Всё остальное появилось потом.

И я писал, писал и писал. Посвящал этому всё своё свободное время (которого у меня было в избытке). Я стал одержим этим романом. Я не мог думать ни о чём другом, не замечал ничего вокруг, я словно бы начал выпадать из реальности (и был этим вполне доволен). Я видел ту девушку в

своих снах, видел иногда, как мне казалось, среди случайных прохожих, в очередях магазинов, в окнах домов, везде и всюду, в самых неожиданных местах.

Написание романа затянулось надолго. Я начал думать, что не смогу его закончить. А иногда и вовсе возникала мысль оставить его недописанным.

«Вдруг *она* исчезнет в тот момент, когда я закончу роман?» – со страхом предполагал я.

И я бросил писать. Но потом во сне она вновь явилась мне. Явилась и сказала:

– Никогда меня не отпускай.

Я воспринял это как знак. И вскоре роман был завершён. Я испытал облегчение. Но девушка та больше не являлась мне нигде. И я тосковал по ней, я был печален, безутешен. И не было ничего, кроме серой, унылой обыденности, кроме чувства беспросветной, неистребимой тоски, которую она порождала.

В один из дней я взял с собой флешку с этим романом и пошёл в копицентр, чтобы его распечатать (целых шестьсот страниц!), так как все издательства его отвергли. А мне хотелось, чтобы этот роман существовал и как материальный объект тоже. Хотя бы в форме рукописи.

И вот я шёл быстрым шагом (ибо мне не терпелось), сунув руки в карманы куртки, слушал The Strokes в наушниках, задумчиво глядел, как занятно кружатся снежинки в сером февральском небе.

«Будто есть какой-то непостижимый великий смысл в каждом их движении», — думалось мне.

Я вошёл в здание копицентра. Оно располагалось неподалёку от центрального рынка, минутах в пятнадцать от дома, где я жил. Женщина, стоявшая за прилавком, узнала меня. Ведь именно они делали нам школьный выпускной фотоальбом когда-то давным-давно. Она спросила с улыбкой и добродушным блеском в глазах:

— Ну, как дела твои?

А я соврал в ответ, сказав:

— Всё хорошо. Временно вот вернулся в город, скоро обратно уезжать собираюсь.

Она порадовалась за меня. А потом мы перешли к делу. Я отдал ей флешку, она запустила печать. И я стоял ждал, слушал музыку через один наушник (чтобы на всякий случай слышать всё же, что происходит вокруг). И в какой-то момент вдруг я заметил девушку, стоявшую совсем рядом, по правую руку от меня. Никто больше не обращал на неё никакого внимания. Она просто стояла там и смотрела по сторонам. Её появление привело меня в некоторое замешательство. Во-первых, когда я входил, никого, кроме персонала не было. По крайней мере, мне так казалось. Я был в этом почти уверен. А во-вторых, едва взглянув на неё, я сразу уловил какое-то странное, несколько пугающее и сбивающее с толку ощущение. Ощущение, будто я встретил какого-то близкого, бесконечно родного мне человека. И меня притягивала к ней

какая-то необычайно мощная сила. Именно поэтому я был сбит с толку. Я смотрел на неё, вглядывался в её лицо (выйдя уже, кажется, за границы приличия), пытался вспомнить, где я мог её видеть.

Но затем на меня снизошло озарение. Это ведь была она! Да, точно! Девушка из моих видений, та, о ком я написал свой роман. Она выглядела чуть иначе, но сомнений быть не могло. Я это точно знал, я это чувствовал.

«И у неё тоже зелёные глаза!» – тут же стал мысленно торговаться я.

И она была очень красивой. Бледное лицо, длинные тёмные волосы, большие глаза, полные мудрости и печальной задумчивости, маленький аккуратный носик (и колечко в нём), пухленькие розовые губы, обретающие узор мечты, узор самого неподдельного счастья. Она смотрела теперь, как из принтера выходит третья сотня (или около того) страниц, и слегка улыбалась. И я заметил это движение её губ – будто весна пробуждалась. Я был очарован этой девушкой. Хотя даже не знал её имени.

– Что это у вас там такое? – с игривым любопытством спросила она, кивнув в сторону принтера.

– Это? – смутился я. – Да так... всего лишь мой роман.

– Рома-ан! – протянула она удивлённо. И мне понравилось, как округлились её губы, когда она медленно проговаривала это слово, будто пробуя его на вкус.

– Именно так, – кивнул я.

– Какой-то он у вас огромный прям!

– Жутко огромный! До неприличия! А вы из-за меня, наверное, ждёте или..?

– Да нет, я уже всё... просто задумалась немножко. А потом смотрю – тут что-то интересное происходит. И куча этих страниц... И я подумала: «Что же это за манускрипт такой?». А оно вон как, оказывается! Писатель пришёл свой роман печатать.

– Ага! – я усмехнулся и смутился, поглядел вновь, как работает принтер. – А я вас, признаться, даже и не заметил, когда сюда входил.

– Да неужели?! – воскликнула она. Её это, кажется, немного задело. – Не думала, что я такая неприметная!

– Да нет, – поспешил оправдаться я. – Это просто я стал совсем рассеянным. Вечно витаю в облаках, знаете ли.

– Вот как? А по вам и не скажешь.

Этими словами она привела меня в новое, совсем иное замешательство.

– По мне не скажешь? То есть?

– Не похожи вы на того, кто вечно витает в облаках.

– А на кого же я тогда, по-вашему, похож?

Она задумалась на секунду (вид у неё при этом сделался жутко очаровательный: она прикусила губу, нахмурила брови, слегка сощурилась и вся будто бы застыла). И сказала то, что совершенно поразило меня:

– Вот это-то я и пытаюсь понять...

Затем облик её вмиг переменялся. Она оживилась, заметно смутилась, а брови её подскочили, словно она и сама удивилась сказанному. И поспешила девушка эта удалиться.

– Ну ладненько, – тяжело вздохнула она. – Мне пора идти. Было приятно с вами поболтать. Удачи с романом, – незнакомка на ходу небрежно указала в сторону принтера. Затем, стоя в дверях, она обернулась и сказала: – Когда опубликуют, отправь мне экземплярчик.

Я улыбнулся, как болван, и ничего ей не сказал. Через мгновение она уже исчезла. А я даже не узнал её имени. И я подумал: «А как же я тебе отправлю экземплярчик-то?».

– Ну что, принимай работу, всё готово, – сказала женщина (её, кажется, звали Лейсан, но я не был уверен, а уточнять постеснялся бы) и положила передо мной на прилавок мой роман.

«Вот он, – подумал я, посмотрев на внушительную кипу листов белых листов, покрытых моими мыслями, чувствами, страхами, надеждами и мечтами, – живой, настоящий».

– А где твоя подруга? – спросила вдруг она, озираясь по сторонам.

– Моя подруга? – не сразу понял я.

– Ну да, с которой ты пришёл.

«С которой я пришёл? – мысленно поразился я. И зачем-то посмотрел на дверь. Будто мог увидеть, как мы с ней вместе заходим сюда. Чтобы понять, что я ошибся. – Но ведь я пришёл один».

Я так и сказал ей.

– Разве? – с недоверием произнесла она.

– Ну да, – усмехнулся я.

– Странно.

«Действительно странно», – подумал я. И добавил:

– Я вам больше скажу. Это не моя подруга даже. Я её впервые вижу.

– Неужели? А со стороны кажется, будто вы сто лет знакомы.

«Мне и самому так показалось», – хотел ответить я, но не стал.

Вместо этого я просто забрал флешку, сунул её в карман, схватил свой талмуд, поблагодарил ту, кого предположительно звали Лейсан, попрощался с ней и вышел на улицу.

Во мне теплилась ещё слабая надежда, что я увижу где-то поблизости мою прекрасную незнакомку, с которой я сто лет уже знаком. И я окликну её. Она обернётся, и будет мне очень рада. Я подойду к ней, скажу что-нибудь остроумное, она посмеётся, и мы пойдём пить кофе, и хорошо проведём время вместе.

Но реальная действительность вновь оказалась жестокой, не возжелала она пойти мне навстречу. И предстал передо мной потому пустой и унылый зимний пейзаж. Серое небо, казалось, насмехалось надо мной, ветер подгонял меня туда, где, может быть, есть *она*, девушка из моих снов, а чёрные деревья, покачивая ветвями, указывали направление. А я всё

стоял и корил себя за то, что сразу не последовал за ней.

«Представится ли мне ещё хоть один шанс?» – спросил я неведомо кого.

Ответа, конечно, не последовало. Его я не ждал. И я вернулся в копицентр, чтобы кое-что уточнить. Я влетел туда, как ураган. Та, кого я называю Лейсан, вновь радушно встретила меня. Но была она, очевидно, несколько удивлена.

– Что такое? – поинтересовалась она, упершись подбородком в согнутую в локте руку.

– Та девушка, – сказал я, – с которой мы вроде как пришли вместе. Вы же тоже её видели, верно?

Она удивилась ещё больше.

– Ну да, конечно.

– А можете её описать?

Тут глаза её совсем округлились, и она аж подскочила.

– Зачем?

– Это очень важно! Пожалуйста!

– Ну-у-у... длинные тёмные волосы у неё. Глаза зелёные. В носу колечко. Губастенькая такая... что ещё?

– Всё-всё, этого вполне достаточно! Спасибо большое!

Я выбежал на улицу и направился к дому, прижимая к груди свой роман. Ветер грубо пытался вырвать у меня эти листы, но я держал их крепко. Хотя велик был соблазн поддаться ему, отдать их ему на откуп и посмотреть, к чему это приведёт. Мне виделось, как летят эти белые страницы, пропитанные горечью моей души, куда-то далеко. И одна из них

каким-то образом оказывается вдруг в руках этой девушки. Она её хватает, начинает читать и понимает сразу, что это я. И бежит она мне навстречу. И находим мы друг друга несмотря на то, что не знаем, где искать.

Но ничему это не суждено было случиться. И я иду домой, слушаю музыку, и прижимаю страницы романа ещё крепче к груди. Отчего-то ноша эта кажется мне тяжелее, чем прежде.

Дома я сбрасываю её на журнальный столик, ложусь на диван и вновь предаюсь своим мечтам о зеленоглазой девушке, овладевшей сердцем моим. А когда наступает ночь, и я засыпаю, она является мне во сне в образе могущественной владычицы небес. В длинном чёрном платье и с короной, украшенной символами инь-ян, она приходит за мной из тьмы и начинает зазывать без слов неведомо куда. И мы бежим с ней через руины загадочного древнего мира. Я спрашиваю её, куда мы направляемся, но она шёпотом велит мне вести себя потише; и я замолкаю, отметив про себя, как необыкновенно красив её голос. Я наслаждаюсь её присутствием, а прикосновение её руки и вовсе приводит меня в блаженство. Хотя встревоженный взгляд этой прелестной девы наводит меня на мысли, что я должен чего-то опасаться. Но я не могу думать об этом. Я думаю лишь о том, как мне хорошо рядом с ней. И светом озаряется моя душа. И всякое беспокойство покидает меня.

Я просыпаюсь от холода, не помня, чем закончился сон. Одиночество обрушивается на меня, и сердце моё сжимает-

ся от тоски. Я нехотя встаю с постели, гляжу на кипу бумаг, будто сам не знаю, как она тут оказалась. Мне становится тошно. Мне хочется исчезнуть.

Но я по-прежнему был здесь. Где не было ничего, кроме серой, унылой обыденности.

«Да нет же! – сказал я сам себе, пока чистил зубы. – Теперь у тебя есть она!».

«Да нет у меня никого! – спорил я сам с собой. – Где она? Нет её!».

«Она – где-то там. Главное, что она действительно есть».

«А ведь и правда. Она действительно есть. Где-то в этом мире. Под нами одно небо, одно и то же солнце греет нас. Но как мне найти её?».

Я не знал. И страшно сокрушался по этому поводу. Так прошла целая неделя. Потом раздался телефонный звонок. Это был Костя, мой старый друг ещё со школьных времён.

– Ну, что? – сказал он. – Готов затусить со своими братьями?

– Готов, – отвечал я, надевая носки. – А чего? Намечается что-то?

– Похоже на то. Я через пару дней буду в городе. Тимуру уже позвонил, он сказал, что тоже сможет вырваться.

– У меня? Как обычно? – уточнил я.

– Ну да.

– Во сколько?

– Да не знаю, ближе к делу определимся. Но вечером уж,

наверное. Часов в шесть.

– Хорошо.

– Я говорю, ты чего притих, бродяга?

– Что? – его слова совсем сбили меня с толку.

«К чему это он?» – подумал я.

Но оглядевшись вокруг, я увидел перед собой Костю и Тимура. Они сидели на диване и посмеивались надо мной. Я сидел, развалившись в кресле, с чашкой чая в руках. Я привстал, поставил её на стол и протёр глаза.

– God damn! – произнёс протяжно Тимур фальцетом свою любимую фразу. – Ты, по-моему, нам совсем не рад.

– Точно-точно! – поддержал его Костя. – Ты вообще где пропадаешь?

– Да я уже и сам, если честно, не знаю.

Я взглянул на журнальный столик и увидел, что рукопись романа куда-то исчезла, а вместе с ней и пара других книжек других авторов, изданных, как полагается. Ну а их место заняли разнообразные напитки и закуски.

– Что у тебя на уме? – сказал Тимур, указав на меня горлышком бутылки томатного пива. – Давай выкладывай, – он прикрыл один глаз, будто целился в меня из винтовки. – Я знаю, в этой огромной башке слишком много мыслей, ты не можешь долго их сдерживать. Дай им волю! Не робей!

– Как ты можешь пить эту дрянь? – сморщившись спросил Костя Тимура.

– Да не знаю, – ответил Тимур. – Меня просто прикалы-

вает томатный сок. Ну, я и подумал: почему бы не добавить в него пиво?

Я посмотрел украдкой на часы. Было 18:45.

– Или скорее пиво в томатный сок? – поправил его Костя.

– Does the body rule the mind or does the mind rule the bode, I don't know, – процитировал я усталым голосом.

Они оба взглянули на меня, как на идиота, а я виновато замахал руками, дескать, продолжайте-продолжайте. И Тимур продолжил:

– Но вообще, было бы, думаю, гораздо лучше, если бы его можно было немного охладить.

– Холодильник сам знаешь где, – сказал я. – Сходи да поставь.

Но он не двинулся с места и сделал очередной глоток.

«Неужто не заметил я, как прошло два дня? – думал я. – Как так вышло?»

Я попытался вспомнить, чем был наполнен тот промежуток времени между телефонным разговором с Костей и их с Тимуром появлением на пороге моей квартиры. Но не смог. Лишь зеленоглазая девушка в длинном чёрном платье, танцующая среди звёзд, виделась мне. И я не мог и не хотел ни думать, ни говорить о чём-либо ещё.

«Увижу ли я её когда-нибудь вновь? – гадал я. – И если да, то каковы мои шансы?».

– Процентом десять, я думаю, – донёсся до меня голос Тимура.

– Что? – вздрогнул я, решив на мгновение, будто он сумел каким-то образом прочесть мои мысли.

– Костя спросил, каковы шансы, что ты перестанешь витать в облаках и поговоришь с нами по-человечески. Вот я и говорю: процентов десять,

– Да нет-нет, – оправдывался я, – не десять. Я всё, я здесь, я с вами.

– Надолго ли? – посмеялся Костя и посмотрел на часы.

– Минут на пятнадцать, я думаю, – ответил и на это Тимур, хотя вопрос на сей раз не был ему адресован, как мне показалось. Возможно, так было и в первый раз. Yo po sé.

– А знаешь, – сказал вдруг Костя, впившись в меня пронзительным взглядом, – я, кажется, знаю, в чём тут дело.

– Да? – отозвался Тимур с улыбкой. – И в чём же?

– Ты посмотри на него! Тут явно замешана... – Костя выдержал драматическую паузу для нагнетания напряжения, и затем произнёс наконец заветное слово, – ...женщина! – будто это было откровение вселенских масштабов. И если бы мы были героями какого-нибудь фильма категории В, то в этот момент за окном наверняка должен был грянуть гром. Я даже обернулся к окну и прислушался. «Ну а вдруг!», – подумал я. Но небо оставалось безмятежным.

Тимур поглядел на меня пристально и сказал:

– Слу-ушай, ну да, походу, так и есть.

Я заёрзал в кресле и попытался сделать вид, что не понимаю, о чём они говорят. Но и отрицать напрямую ничего не

стал.

– God damn! – воскликнул вновь Тимур. – Да точно! Так и есть!

– Да перестань! – наигранно сморщился я. – Что уж ты говоришь?

– Давай рассказывай! – потребовал Костя. – Что за девчонка? Как познакомились?

А мне только этого и надо было. Конечно, я хотел им рассказать о ней. Но мне нужно было, чтобы они сами захотели узнать о моей прекрасной и загадочной незнакомке, которую я видел во снах великое множество раз и всего единожды в так называемом реальном мире.

«Только вот с чего начать? – думал я. – Нельзя ведь рассказать обо всём. Они решат, что я сумасшедший. А кому хочется выглядеть в глазах своих друзей сумасшедшим? Кому хочется проверять на прочность свои чувства, свои убеждения, свои мечты?».

– Она хоть настоящая? – посмеялся Тимур.

И это больно ранило меня, это меня разозлило. Немного поразмыслив, я ответил:

– А что вообще значит «настоящая»? Как это определить? Вот вы двое, к примеру. Вы – настоящие?

– Что за бред? – возмутился Костя. – Конечно, мы настоящие!

– Откуда ты знаешь?

– Ну, ты что, не видишь нас, что ли? Мы с тобой сидим

тут, разговариваем... значит, настоящие.

– Да, но, может, я выдумал вас?

– Ну, это ты уже ваще, конечно!..

– Если истинность твоего существования актуализируется через моё восприятие, то это лишь подтверждает моё предположение.

– Опять он начинает!.. – раздражался Костя, обращаясь к Тимуру.

– Да не, всё гораздо проще на самом деле, – в ответ отмахнулся Тимур. – Cogito ergo sum. Бэм! Такое не контрится! Не можешь ты посягать на моё cogito, сынок.

– Господи! – я закатил глаза.

– Да какое «когито»! – не выдержал Костя, подскочив на диване. – Побойтесь бога! Хватит уже того-этого... словоблудить! Ближе к делу! – потребовал он, обращаясь теперь ко мне. – Про девчонку давай рассказывай!

«Девчонка! – мысленно повторил я за ним. – Ах, эта девчонка! Таких не бывает на свете! Видел бы ты её только! Прелестница! Зелёные глаза!.. И такие загадочные! Полные мудрости и скрытой печали! О-о-о! А губы её!.. Сама жизнь уже не кажется такой горькой и бессмысленной, пустой, если есть возможность любоваться этими губами. И весь образ её, если есть возможность взглядом проводить хоть на прощание, значит, есть надежда, что дар жизни далеко не так напрасен, как мне казалось прежде. Она, как солнце!словно небо! И мечта! Богиня! Ангел! Несравненна и величествен-

на! Безжалостна! В чистейшей красоте своей! А сколь мила, каким полна очарованием! И музыкой как льются дивной все слова её! Лишь взгляда одного хватило мне, чтоб затеряться навсегда средь звёзд, связавших цепью наши души. А имя как её прекрасно! Само ведь со-вер-шен-ство!»

И медленно, по слогам проговаривая последнее слово, я вдруг осознал: «А ведь я даже не знаю её имени!».

И это стало для меня величайшей трагедией. Я сделался ещё более печальным, безутешным, угрюмым, подавленным.

– Я не знаю, встречу ли я её ещё хоть когда-нибудь, – выпалил вдруг я, сам того не ожидая. Я был глубоко погружён в свои размышления и обращался скорее к самому себе, к незримому собеседнику, нежели к моим друзьям, которые глядели на меня теперь удивлённо.

Я не заметил, как они ушли. И я не помнил, что они мне ответили. Я лежал ночью в постели и глядел в потолок, я думал о ней. И когда услышал я хлопок одной ладони, я тут же погрузился в сон. И громогласно, неведомо откуда прозвучали слова: «Je veux qu'on se voit». Их породила сама непознаваемая вечность, они были высечены на небосклоне рукой древнего и усталого бога.

И снизошло на меня тогда ещё одно озарение. И узрел я целую вечность, в объятьях которой резвились две заблудшие души. Под присмотром бессмертных звёзд они клялись друг другу в любви, они дарили друг другу нежность и ласку, они подыскивали нужные слова, они просили друг у дру-

га прощения за всё, они прощались и обещали непременно отыскать друг друга вновь, как бы далеко ни разбросала их судьба, какие бы ни учинила им препятствия. И это были мы. В той другой жизни, о которой не осталось у меня никаких воспоминаний – одни лишь смутные догадки, предчувствия, сны, знамения, видения, ощущения. И так явилось мне имя её. Хотя в этой жизни я его ещё не знал. И это имя казалось мне самым прекрасным на свете. И я вспомнил, что не раз оно попадалось мне тут и там. Просто я не придавал этому значения.

– А может быть ты её выдумал? – вдруг раздался голос Тимура, когда я проснулся.

Он сидел в кресле. Компанию ему составляла худошавая девица с очень длинными волосами пепельного оттенка. Лицо её было сокрыто от меня, она самым непристойным образом ласкала Тимура. И руки её, покрытые шрамами от порезов, жадно блуждали по телу его в поисках утешения, в поисках сладостного забвения.

Я хотел было возмутиться происходящему. Но что-то не позволяло мне это сделать. И разум мой был занят совсем другими вещами. Всё происходящее – что бы ни происходило вокруг – я воспринимал отстранённо, как нечто само собой разумеющееся.

– Разве стал бы я? – с удивлением отвечал я на реплику Тимура. – Зачем мне это?

– Не по своей воле. Но, может, просто случилось имен-

но так. Может, не способен ты более отличить реальность от вымысла? Может, выдаёшь желаемое за действительное? Тебе самому так не кажется? Всё ведь слишком хорошо, чтобы быть правдой.

– Ну, на самом деле поначалу всё было не так уж радужно...

– Да неужели? А что же было не так?

– Ну, мы первое время довольно часто ссорились, например... – произнёс я и опешил.

«Погоди-ка, – подумал я. – Я ведь не могу этого знать. *Здесь* это ещё не произошло».

– Именно! – с улыбкой ответил Тимур.

И обернулась ко мне девица, что была с ним. И увидел я, что губы её измазаны кровью. Она впилась в меня пронзительным взглядом своих больших и рубиновых глаз. В этом взгляде мне виделось нечто зловещее, жаждущее разрушений. И вместе с тем источал он какую-то великую мудрость, которую я не был готов постичь.

– А теперь иди к ней, – сказала девица. – *Она* ждёт тебя.

– Ждёт меня? Но я даже не знаю, где её искать.

– Ты уже должен был понять, что в душе твоей находится всё, что тебе нужно знать. Загляни поглубже – и ты найдёшь её. Ты поймёшь, что нужно делать, куда тебе идти.

Всё это звучало как полный бред. И я смотрел на эту незнакомую мне девушку, которая каким-то образом оказалась у меня дома, смотрел на неё, как на дуру, как на умали-

шённую. Но вместе с тем я впервые за долгое время почувствовал, что не только серость и тоска окружают меня, что будто бы есть нечто большее, нечто столь значительное, что позволило бы мне возвыситься над самим собой и всем тем, что тяготило меня и порождало бурю в моей душе.

– Ну, не стой, как болван! – возмутилась незнакомка, заставив меня вздрогнуть. – Иди скорее! Не может же она вечно ждать!

Загадочная девушка, чей облик меня пугал и одновременно завораживал, вновь повернулась к Тимуру, который тем временем стал совсем на себя непохож. Его лицо преобразилось на глазах неведомым и самым жутким образом.

Я выбежал из дома. И я шёл, куда глаза глядят. Пока не оказался там, где прежде не бывал. И я направился туда, куда велел мне шёпот сердца. Так я оказался в таинственном сосновом лесу, где мне встретилась белка. Она побежала вглубь леса, и я последовал за ней. И когда я сбросил оковы бренности бытия, я увидел срубленный и обуглившийся ствол дерева, лежавший на земле. И были на нём нацарапаны цифры: V.II.XXV. Я наклонился и коснулся их рукой.

И предстала в то же мгновение передо мной зеленоглазая дева поразительной красоты. И сердце моё возликовало. Она стояла ко мне вполоборота. Ветер развеивал её волосы. Я ощущал их аромат. И не было на свете ничего для меня прелестней. И солнце воссияло так ярко, что казалось, будто можно его сияние попробовать на вкус. И птицы, щебеча,

стали купаться в небесной лазури. И мир наполнился красками.

А когда очутился я наконец в нежных и тёплых объятьях П., я услышал, как трескается скорлупа яйца, из которого вот-вот должен вылупиться Первозданный Феникс. И значит, наш с нею мир был готов к возрождению.

Счастливые мгновения

Они сидели на длинном мостике, на самом краю вселенной, и мочили ноги в океане вечности. Вокруг них вспыхивали и гасли звёзды, солнце, луна и планеты резвились и танцевали, чтобы их развеселить, целые галактики рождались и умирали, чтобы им не пришлось испытать на себе всю неумолимую жестокость времени, всемогущий мрак космоса наряжался в самые яркие свои одежды, чтобы их впечатлить, весь мир гордо являл им свою красоту. Но они смотрели только лишь друг другу в глаза, не в силах оторваться. В их сиянии обнаруживали они единственный мир, который был им нужен, которого они желали. Ладонью своей с нежностью Царь Всех Ветров накрыл ладонь Небесной Герцогини. И жарким огнём были охвачены их сердца.

– Я люблю тебя, – трепетно произнёс он.

– И я тебя люблю, – ласково отвечала она.

И душа его наполнялась ярким светом, который мог развеять самую неистовую тьму. И он бросался к ней в объятия. И целовал он её руки, её губы. И шептал он ей самозабвенно самые нежные и тёплые признания.

– Я хочу всегда быть только с тобой, – говорил он. – Мне с тобой так хорошо,

И она наслаждалась его ласками. И молила его не останавливаться. И просила она ещё и ещё.

– Скажи мне, как сильно ты меня любишь?

– Я люблю тебя сильнее, чем утро любит восход, сильнее, чем осень любит дождь, сильнее, чем птицы любят небо, сильнее, чем свет любит тьму, сильнее, чем жизнь любит смерть. Я люблю, люблю, люблю тебя!

И он покрывал всё её тело поцелуями. И страстно, жадно касался он её, словно желал, чтобы тело её навеки сохранило на себе узор его сердца, чтобы сталоместилищем его духа, чтобы на ладонях его осталась звёздная пыль их безумной, дикой любви.

И слились они воедино, растворившись в ласках друг друга. И явилась миру подлинная красота. И Вещество заполнило её сосуд. И рождён был Первозданный Феникс. И печатью Великого Предела скреплены были души Мавинда и Селеды.

Аромат её волос дурманил его, дарил ему покой и умиротворение. Он прижимался к ней всё теснее. А она трепетала в его объятьях, и тёрлась она носом об его шею, и целовала так, словно боялась, что лик его развеется, как туман, как сон, как мечта, как мираж. И призналась она ему рассеянно, сама этого не ожидая:

– Я хочу прожить с тобой целую жизнь.

– Я тоже этого хочу, – отозвался он.

И она добавила более бодрым голосом:

– Нет, ты не понял. Я хочу, чтобы мы провели целую жизнь на Земле. Как обычные люди. Вместе. Только ты и я. Мавинд удивился.

– Как обычные люди?

– Да!

– Но зачем?

– Хочу постичь трагедию безвозвратно ушедших мгновений, хочу лелеять воспоминания, хочу простых радостей. Вместе гулять под руку в погожий летний день, вдыхать аромат цветов, нежиться в лучах солнца, любоваться звёздным небом, видеть, как сменяют друг друга времена года, как время утекает сквозь пальцы, вместе кормить белок, заботиться друг о друге, пить чай вечером на веранде, говорить о жизни и о том, откуда взялась эта боль, вместе читать книжки, смотреть фильмы и слушать музыку, вместе засыпать и вместе просыпаться, готовить пищу, вместе однажды состариться и умереть. И чтобы звёзды были так далеко. И чтобы дождь стучался в окно. И чтобы у нас была кошка...

Мавинд улыбался, слушая её.

– Если ты этого хочешь, – сказал он, – то давай сделаем это.

– В самом деле? – радостно воскликнула Герцогиня.

– Ну, конечно!

И она одарила его множеством поцелуев.

– Ты самый лучший! – вопила она. – Всегда готов сразу же поддержать любую мою даже самую глупую затею! Я тебя люблю!

– И я тебя люблю! – отвечал он, смеясь.

– Только у меня есть одно условие! – добавила Селеда со

всей серьёзностью.

– Я тебя слушаю, душа моя.

– Я должна умереть первой! Тебе нельзя умирать раньше меня!

– Солнце моё, вряд ли я смогу на это как-то повлиять...

– подумав немного, ответил Мавинд.

И Герцогиня тут же возмутилась и слегка отстранилась от него.

– Вот значит как! – сказала она, отстранившись и скрестив руки на груди. – Подлец ты! Решил бросить меня там одну!

Мавинда тронуло и позабавило это её возмущение.

– Нет, радость моя. Я лишь думаю, что раз мы будем жить на Земле как обычные люди, у меня вряд ли получится что-то с этим сделать.

Но Герцогиня уже и слушать ничего не желала. Вспыхнув гневом, она торопливо устремила прочь. Мавинд последовал за ней.

– Ну хорошо! – крикнул он ей вслед. Герцогиня остановилась и обернулась к нему, глядя на него с лукавым прищуром. – Я обещаю не умирать раньше тебя!

– Не мог вот сразу так сказать?!

– Ну да, глупый просто, – ответил Мавинд, приблизившись к ней и обняв её. Она не отстранилась, но немного съёжилась. – Пытался тебе объяснить, как всё может быть устроено.

– Не нужно мне ничего объяснить. Я не дура, сама знаю.

– Хорошо, любовь моя, – он поцеловал её в макушку, и она успокоилась немного.

Они стояли так молча какое-то время. Затем Царь Всех Ветров взял Герцогиню за руку и спросил:

– Ты готова? Отправимся прямо сейчас?

– Я готова. Но я хочу ещё немного побыть здесь. А ты готов?

– И я готов. И тоже хочу ещё немного побыть здесь. Хочу испытать здесь с тобой самое огромное счастье, какое только может быть.

– Разве ты не счастлив со мной прямо сейчас?

– Счастлив невероятно! Но я хочу, чтобы мы испытали все оттенки счастья. А ты счастлива со мной?

– Да, я счастлива, – и как бы в подтверждение своих слов она прижалась к нему. И он обнял её крепче.

И целую вечность провели они в Линдераксе. Танцевали на горе Непреложного Единства вместе, гуляли у озера, бороздили просторы вселенной на колеснице ветров, наблюдая всё то, что прежде не замечали. И кормили с руки они Первозданного Феникса, и спускались к нимфам и сатирам, одаривали их светлой благодатью, резвились весело в лесу. Герцогиня кричала:

– Догоняй! – и убегала она вглубь чащи, смеясь.

А Мавинд гнался за ней, предвкушая тот момент, когда настигнет её и вновь стиснет в объятьях. И когда этот момент наступал, сердце его наполнялось счастьем и восторгом. И

вновь целовал он её, успевая истоскаться по нестерпимой, ангельской нежности губ Герцогини.

– Ты – самое дорогое, что у меня есть, – сказал он, когда чувства вскружили ему голову в очередной раз. – Я очень боюсь тебя потерять.

– Ты никогда меня не потеряешь, – ответила она. – Я всегда буду с тобой.

И тьма, которая уже собиралась поглотить Мавинда, тут же отступила, когда произнесла Герцогиня те слова. На сердце ему снова стало легко и спокойно.

– Мне кажется, мы можем идти, – взволнованно прошептала Герцогиня Мавинду прямо в губы, лёжа на траве.

Он посмотрел ей в глаза.

– Хорошо, – согласился Мавинд, – пойдём, – он встал и подал Герцогине руку.

– Если ты этого не хочешь, – произнесла Селеда замерев, – то давай не будем. Я всё пойму. И я не буду обижаться.

– Нет-нет, я тоже этого хочу! – поспешил Мавинд заверить Селеду.

– Ты уверен?

– На все сто! Я считаю, это отличная затея! Будет здорово! Целая земная жизнь! А потом ещё одна вечность в Линдераксе.

Герцогиня воссияла радостью и кивнула. И в небе выпало несколько новых звёздочек. И вместе они, рука об руку, отправились на вершину горы Непреложного Единства.

И там совершили они обряд перевоплощения и перехода. Сбросили они свои мантии и короны, спрятали в волшебную шкатулку кольца да медальоны, частичку Вещества, неба и ветра и зелёное сияние глаз Селеды, облачились в одежду, которая позволила бы им затеряться в толпе людей (на Герцогине были чёрные джинсы, чёрный топик, в ушах у неё были круглые серёжки в виде символа инь-ян, а на Царе Всех Ветров – тёмно-серые джинсы и белая футболка с надписью «Ubi sunt? Ubi punc?») и поселились они в небольшом и неприметном городке, где построил для них Царь Всех Ветров уютный и красивый дом вдали от всех. И каждое утро они встречали вместе рассвет и шли на прогулку в лес и к озеру. Они любовались красотой пейзажей, и красота эта поражала их своей сдержанностью, своей чистотой, своей простотой, полной величия и достоинства.

– Знаешь, – сказал Герцогине Царь Всех Ветров, – а в этом что-то есть...

И увидел он, что глаза её сияют от счастья.

– Это прекрасно, – с восторженным возгласом произнесла Герцогиня, глядя вокруг и подкармливая белок, что выбегали им навстречу.

И возвращались они затем домой, готовили вместе обед (готовил обычно Мавинд, а Селеда ему помогала), за обедом делились впечатлениями от прогулки и самыми разными мыслями, обсуждали планы на следующий день, потом они мыли посуду и остаток дня проводили в объятьях и лас-

ках друг друга. Вечером они смотрели кино, а перед сном Царь Всех Ветров читал Герцогине вслух отрывки из своих любимых книг, те, что неизменно напоминали ему о ней; а она внимательно слушала и смотрела на Мавинда так, будто он несёт ей Откровение; и сердца их сливались воедино в бурном трепете самых нежных, тёплых чувств.

И долгие по меркам людей годы провели они вместе. И наполнили они это время гармонией и самым совершенным счастьем – таким великим и грандиозным, что могло бы оно заполнить собой небо и все на свете океаны, все реки и озёра. И пусть случались порой ссоры между ними, и в сердцах бросали они друг другу упрёки и слова, что ранили, но всякий раз неизменно они, опомнившись, шли друг другу навстречу, залечивали раны друг друга, просили прощения, напоминали о том, что действительно важно. И в крепкое объятие заключал Царь Всех Ветров Небесную Герцогиню. А она не противилась, она таяла в его руках, она обнимала его в ответ и просила больше не делать ей больно.

– Никогда и ни за что на свете, – обещал он. И добавлял затем: – Ты самое дорогое, что у меня есть. Я очень боюсь тебя потерять.

– Я тоже этого боюсь, – признавалась она. – Поэтому мы должны заботиться, в первую очередь, друг о друге, а не пытаться защищать самих себя во что бы то ни стало.

И он смотрел удивлённо ей в глаза, поражаясь и восхищаясь её мудрости. И он целовал её руки, он покрывал всю её

поцелуями и говорил, как сильно он любит её. И брал он её за руку, и они шли навстречу солнцу встречать новый расцвет. И много дорог было пройдено, много трудностей пережито, много радостей испытано. К закату клонилась их земная жизнь. Шаг их замедлился, танец стал осторожным, время всё более тягостной ношей наваливалось на их плечи. И с тросточкой шёл седовласый Царь Всех Ветров, а под руку с ним – его величественная Герцогиня. Он восхищался ей ничуть не меньше, чем в самый первый день.

– Ты – моя душа, – говорил он хриплым голосом, поправляя её прядь, когда она слегла и больше уже не могла встать.
– Ты – жизнь моя. Я люблю тебя сильнее всего на свете.

А она спрашивала его едва слышным шёпотом:

– Я всё так же прекрасна для тебя?

И он брал её за руку и с печальной улыбкой отвечал:

– Ты с каждым днём лишь прекраснее, моя Небесная!

Он видел, что силы покидают её. И сердце его сжималось от тоски и боли.

– Не печалься, Царь, – говорила Герцогиня. – Я рада, что ухожу первой.

– Да, всё получилось именно так, как ты и хотела.

– Угу, – соглашалась она. – А ты, подлец, был бы рад оставить меня тут одну, я знаю, – поддевала его Селеда.

И он смеялся со слезами на глазах. И поцеловал он её в лоб, когда сердце её смолкло. И по-настоящему понял он, почему она хотела уйти первой. Нестерпимая боль охватила

его сердце. И посидев ещё немного рядом с ней, поглядев на неё, он отправился готовиться к похоронам.

Мавинд снял с шеи её ключик от шкатулки, который носила она не снимая, омыл её тело, облачил он её в красивое чёрное платье, сам надел чёрный костюм и похоронил её в живописном месте рядом с озером. И поставил он ей могильный камень, на котором написал: *iterum iuncta*. Здесь покоится Селеда – владычица небес.

Затем вернулся он домой и стал искать шкатулку. И нигде он не мог её найти. Начал он волноваться и беспокоиться. Обыскал он весь дом, перевернул всё вверх дном, но шкатулки так и не нашёл. И рухнул он обессиленный в своё любимое кресло и разрыдался, думая, что теперь не сможет вернуться вместе с Селедой в Линдеракс и потеряет её навсегда. Сам того не заметив, он погрузился в сон. И во сне явилась ему Небесная Герцогиня в торжествующей юности своей, полная энергии и жизни. Танцевала она, как всегда, среди звёзд и облаков, и вращала планеты.

– Глупенький мой дурачок! – ласково сказала она ему. – Для шкатулки ты давным-давно соорудил тайник! Он в стене, за шкафом, в нашей спальне. Беги скорее, пока ещё не поздно!

И приблизилась она к Царю Всех Ветров, преодолев вмиг огромное расстояние, их разделявшее, поцеловала она в щёку его, посмотрела на него с сочувствием и толкнула в объятия тьмы.

Вскочил тут же Мавинд, пробудившись ото сна, и пошёл он, прихрамывая, так быстро, как только мог, в спальню. Отыскал тайник. И увидел, что шкатулка действительно там. Обрадовался он, как никогда в жизни, испытал облегчение. Дрожащими руками открыл он ключом шкатулку, надел на себя оба медальона и кольцо, выпустил в мир зелёное сияние и частичку Вещества, стал втирать их себе в грудь, выпустил и частичку ветра, проглотив его, частичку неба отправил он к Герцогине и сказал:

– Je veux qu'on se voit.

И задрожала тогда явь, покрылось всё вокруг пурпурным туманом и звёздном пылью, и стали они вращаться всё быстрее, всё сильнее. И бурный вихрь поглотил Царя Всех Ветров.

Так он вернулся в Линдеракс, где ждала его юная Небесная Герцогиня. И сам он тоже вновь стал юным. И бросился он к ней в объятия. И узнал, что в Линдераксе прошло всего три месяца за то время, что они провели на Земле.

– Наконец-то ты вновь со мной! – сказал он.

– Ты скучал, мой милый?

– Без тебя мне было невыносимо!

И Герцогиня стала утешать его. И Линдеракс ликовал, видя их возвращение. И вечность раскрыла перед ними свои объятия.

На краю бездны

Мир вокруг нас был чудовищно прекрасен, и мы, жадные до эмоций и впечатлений, охваченные жаром любви и страсти, бороздили его просторы, без конца им восхищаясь. Объединив сердца и души в единый сосуд, мы наполняли наш мир светом и гармонией. И этот свет стал сиянием, отражённым в звёздах инь-ян, олицетворявших наше непреложное единство, и гармония та стала самой структурой бытия.

Мы посетили Сад Светлой Гармонии, где белки – священные животные Небесной Герцогини, столь любимые ею ещё на Земле, – сами выбегали нам навстречу. И она, словно дитя, несказанно радовалась их появлению, кормила их с руки орешками и велела всем почитать их, заботиться о них.

Затем мы отправились к озеру Умиротворения. Это было любимое место Небесной Герцогини во время прогулок, когда она была обычной девушкой. В водах его мы совершили омовение, а после на берегу взрастил я кипарис, на котором ветром нацарапал такую надпись: V.П.XXV и чуть ниже – С. + М. – iterum iuncta. И мы стояли в тени этого дерева, пребывая в блаженстве.

Нимфы и сатиры, как всегда, радостно приветствовали нас везде и всюду. Воздев руки к небу, они пели, танцевали, разжигали костры, приносили нам в жертву венки из цветов и кричали:

– Да будет вечным священное ваше единство! Iterum iuncta, iterum iuncta!

После мы отправились к зелёным лугам Просторной Вечности, где Небесная Герцогиня кружилась под тёплым дождём, смеялась и убегала от меня, задорно крича:

– Догоняй!

А я всё стоял и любовался ею, жадно ловил каждое мгновение совершенного и абсолютного счастья.

– Ну что же ты! – восклицала она, оборачиваясь. – Скорее! А то ведь я убегу! Ни за что на свете меня потом не отыщешь!

И я, сорвавшись с места, гнался за ней. А она пряталась от меня в сосновой роще нимф и сатиров, она игралась со мной. И когда я догнал её, мы легли в траву, и я целовал её всю и ласкал, смотрел ей пристально в глаза, гладил нежно её длинные волосы, терзаясь тем, что не в силах я выразить в полной мере тех бурных чувств, которые я к ней испытывал. И тогда она, словно бы подслушав мои мысли, спросила:

– Скажи, ты ведь любишь меня очень сильно?

– Сильнее всего на свете! – ответил я.

И стал иступленно покрывать её всю поцелуями, будто так мог я впитать в себя частичку её души, чтобы никогда-никогда с ней не расставаться.

Дальше путь наш пролегал к горе Непреложного Единства. Там мы танцевали под музыку светоносного ансамбля. И нимфы с сатирами присоединились к нам, и Первоздан-

ный Феникс, и Великий Отче вместе с Всесильной Матерью, и вся вселенная содрогалась и клекотала; новые звёзды рождались, солнце вспыхивало с новой силой. В танце мы с Герцогиней сливались воедино, сияние наших душ озарило всё вокруг, и я, позабыв обо всём на свете, сорвался с горы и навис над пропастью. Только сила Царя Всех Ветров не давала мне рухнуть вниз.

И тут же все покинули нас. Мы остались вдвоём. Даже солнце скрылось за тучами. Герцогиня испуганно вскрикнула, она бросилась мне на помощь, протянула руку, я за неё ухватился, но вытащить меня Герцогиня, конечно, не могла. И в отчаянии она прокричала:

– Я не дам тебе упасть!

Ужас, застывший на её лице, пронзил меня в самое сердце. И я подумал: «А что, если я и правда сорвусь сейчас в бездну? Что же будет с ней?» Мне захотелось хоть как-то утешить её, и я сказал:

– Любовь моя, ничего страшного! Всё будет хорошо. Не бойся. Однажды мне непременно суждено будет разбиться!

Но она, услышав это, зажмурилась, словно от боли, помотала головой и прокричала:

– Нет! Ни за что на свете! Я не позволю! Non sinam te cadere. Только не сейчас! Почему же так скоро?! Я не могу потерять тебя!

И слёзы выступили в её глазах, она крепче сжала мою руку. И в небе вспыхнули красные молнии. Огромное облако

воспарило под моими ногами. И я мог на него опереться. И взглянул я тогда в ту глубокую бездну, что разверзлась подо мной. И увидел я чудовище, поджидавшее меня. В глазах его не было ничего, кроме жестокой и дикой ненависти. Тянуло оно ко мне свои огромные, длинные щупальца, желая утащить за собой, поглотить, разорвать в клочья и окропить кровью моей эту землю, наслав на неё вечное проклятие.

И узнал я тогда, что есть всё же в нашем мире и зло. Оно дремлет. Но ждёт своего часа. И узрел я в тот миг, что есть та, кого зовут Дочерью Пустоши. Она покоится на дне священного озера. И только Великая Тьма Разлада способна её пробудить. А значит, никогда этому не бывать. Ибо никто и ничто не способно посеять разлада между мной и Небесной Герцогиней. Единство наше непреложно, нерушимо. Потому зло и не пугало меня.

Стоя на розовом облаке, предстал я перед моей Герцогиней. И она тут же бросилась ко мне, чтобы стиснуть меня в объятьях. И я обнял её ещё крепче.

– Никогда не смей даже думать о том, чтобы оставить меня! – сказала она возмущённо.

– Я буду с тобой всегда, – прошептал я ей на ухо, закрыв глаза и вдохнув аромат её волос. – Даже если вдруг случится так, что тьма одолеет меня однажды, я буду хранить в сердце своём любовь.

– Не хочу ничего слышать о тьме, – ответила Герцогиня. И я сказал ей, что нет во всей вселенной ничего сильнее

моей любви. И поцеловал её. А она нежилась в моих объятиях. Бездна растворилась в сиянии солнца, которое вновь улыбалось нам. Больше ничто не угрожало нашему счастью. И воцарилась прежняя гармония. Но сотни пролились дождей, прежде чем утихла окончательно буря наших тревог и страхов.

Много дней спустя я вернулся на вершину горы Непреложного Единства. Вернулся, однако, уже совсем один. Больше не было со мной той, кто протянул бы мне руку и сказал: «Non sinam te cadere».

И я знал, что однажды мне непременно суждено будет разбиться.

Первое письмо Небесной Герцогини к Царю Всех Ветров

Дорогой мой Мавинд!

Даже самая короткая разлука с тобой для меня невыносима. Я всё время вспоминаю о тебе и не устаю в течение дня каждое событие связывать с мыслями о тебе. Например, сегодня утром, когда отправилась я на прогулку, мне на пути повстречался Великий Отче, который играл в шахматы с Духом Первоначал Всего Сущего. И я подумала о том, как было бы здорово, если бы ты научил меня играть в шахматы, и мы могли бы так коротать время. Ты бы меня, конечно, постоянно обыгрывал, но я всё равно была бы рада.

Я скучаю по нашим прогулкам в саду и беседам на горе Непреложного Единства. Как проходят дни твои, любимый мой? Чем ты занят? Что за мысли роятся в твоей голове? Признаться, я немного беспокоюсь о том, что, быть может, ты устал от меня, что слишком тяготит тебя наша любовь. Но вместе с тем я абсолютно точно знаю, что ты любишь меня всем сердцем, я это чувствую. А значит, и устать ты от меня не можешь. Поэтому снова возвращаюсь я к мыслям о том, чем наполнены твои дни, которые ты проводишь без меня, вспоминаешь ли ты обо мне хоть иногда, думаешь ли обо мне?

И знаешь, я не могу отделаться от крайне тягостного ощущения, что ты изменился. С тобой что-то происходит, ты стал сам не свой с того дня, как едва не рухнул в бездну с горы Непреложного Единства. Помнишь? Ты явно что-то увидел в той бездне. Что-то, что очень тебя... как бы это сказать? Расстроило? Разозлило? Не знаю. И мне ты об этом почему-то не рассказываешь. А я не хочу, чтобы ты от меня что-то утаивал. Мне это совсем не нравится. Я поклялась быть с тобой и в радости, и в горе. Так позволь же мне быть рядом, доверься мне и Расскажи обо всём. Я хочу всё знать.

Шлю тебе свою любовь.

Твоя Селеда.

Лабиринт

– Догоняй! – вдруг прокричала она.
И этим словно
Пробудила меня
От вечного сна.

Мы стояли
Посреди мрачной поляны.
Был пасмурный вечер.
Голые, высокие деревья
Дрожали на ветру.
Стайка перепуганных птиц упорхнула
Навстречу грозному небу.

Небесная Герцогиня сорвалась с места
И пустилась прочь.
Она бежала,
И то и дело оборачивалась, хихикала.

– Догоняй! – вновь призывала она. – А то я убегу!
И я помчался за ней.

И я почувствовал какое-то странное,
Удивительное воодушевление,

Какую-то радость, которая захлёстывала меня.
Я будто гнался за своим счастьем.

А потом от этой радости не осталось и следа.
Мир внезапно, в один миг переменялся.
Перед нами возникла загадочная дверь.
Прям посреди пустого пространства.
Небесная Герцогиня вошла в эту дверь.
И я последовал за ней без колебаний.

Мир перешёл в состояние
Непрекращающегося,
Стремительного,
Хаотичного движения.

Передо мной предстал теперь
Бесконечный лабиринт комнат,
Который без конца вращался,
В котором я вынужден буду потеряться.

И в некоторых его проходах
Я видел
Мою Герцогиню –
Временами печальную,
Расстроенную, удручённую.
Иногда злую, свирепую даже,

Готовую крушить всё вокруг.

А потом – снова весёлую, радостную, смеющуюся,
Полную очарования, добрую, светлую.

И я шёл за ней дальше,
Несмотря ни на что.
Погружался всё глубже
В неизведанное.

Я утопал во тьме,
Я исчезал во сне,
И я сгорал в огне.
Я был пленён её красотой.

Одна дверь.
Другая.
Третья.
Четвёртая.
И ещё одна.
Им не было числа.
Великое множество дверей!

Я никак не мог её настигнуть.
Герцогиня не кричала больше «Догоняй!».
Только смотрела мне в глаза, проходя мимо.
Пристально.

Иногда с нежностью,
Иногда со злобой,
С разочарованием,
С мольбой.
Иной раз – с равнодушием.

И это терзало моё сердце.
Я старался сильнее,
Чтобы суметь её догнать,
Чтобы суметь вернуть.
Я спешил, как только мог.

Повсюду царили холод и тьма.
Мир менялся.
Самые разные двери окружали меня.
Они ждали, когда я их открою.

По ту сторону одной из них оказался бескрайний космос:
Небо, звёзды, планеты и кометы.
И загадочное, всепоглощающее вещество, некая субстан-
ция,
Которая наполняла наш мир и была живой.

Она двигалась,
Чувствовала,

Мыслила.

Она говорила со мной —

Не словами, а движениями.

Я понимал этот язык, я улавливал смысл.

Небесная Герцогиня

Сияла ярким светом

И дарила тепло.

Она была прекрасна.

Она владела моим сердцем.

На ней было чёрное платье,

В руках — букетик белых цветов.

Она стояла посреди безумного,

Устрашающего хаоса лабиринта.

А я не мог её догнать.

Она была центром вселенной.

Она была богиней.

Она была нимфой.

Она была музой.

Она была феей.

Она смотрела куда-то вниз, по сторонам и вверх.

И никогда — мне в глаза.

Я любил её неописуемо, невообразимо.

Моя любовь могла бы заполнить космос.
Но теперь мне понадобится компас,
Чтобы суметь её всего-навсего найти.

Без Герцогини наступила бы вечная тьма...
И вот – она наступила.
Когда я её потерял.
Это всё же случилось.

Она снова кричала:
– Я здесь! Догоняй! – и хохотала.

Это звучало отовсюду.
Я не знал, куда мне идти.
Я её потерял. Может быть, навсегда.

И сердце моё пронзила боль.
Мир менялся, мир в безумии своём вращался.
И от того было ещё больней.
И от того стало ещё страшней.

В шумном тоннеле метро я увидел её.
Или то была не она?
Я стоял в вагоне, что стремительно мчался
В никуда. (Но почему?)
И я видел, как на меня

Искоса смотрит та,
Кого я принял за тебя, моя Герцогиня.

Я отхожу. И иду ещё дальше,
Погружаюсь всё глубже.
Лабиринт поглощает меня.

Я видел тебя, Герцогиня.
Где-то —
В меняющемся мире.
Где-то в моих снах.
Где-то в моих мечтах.

Посреди живописных просторов.
В робком сиянии печальной луны.
Где-то на фоне мрачных деревьев,
Где-то у твоего любимого озера.
Где-то в моём израненном сердце.
Я видел тебя везде.

Я обращаюсь к тебе напрямую,
Чтобы найти.
Это всё, что я теперь могу, прости.
Это всё, что у меня осталось.

Всё превратилось

В хаос.

Всё вращалось.

И клокотало.

То вещество, что наполняло наш мир,

Связывает нас вместе и теперь, поверь.

Ты всегда будешь частью меня, а я – буду частью тебя.

Даже если не сумею найти.

Я падал.

И во тьме слышал твой крик.

Ты протянула мне руку.

И я ухватился.

Ты кричала:

– Я держу! Я не дам тебе упасть!

Я подумал: «Это наверняка должно что-то значить».

А только было ли это

На самом деле?

И что вообще значит «на самом деле»?

В любом случае,

Я умудрился

Нас погубить.

Но – я убедился:

Ты именно та, кого мне
Ниспослала судьба.
Кому сердце моё
Отозвалось
В несокрушимой, неистовой тьме.

И так –
Я пробудился.
Стал собой.
Так был создан наш мир.
И возникло то вещество,
Что навсегда связало нас вместе.

Это не давало мне потерять тебя совсем.
Это было больше и сильнее нас самих.
Это было всему вопреки.
И это было действительно всем.

И нашими словечками,
Нашими шуточками,
Нашей дурашливостью,
Нашей дурманящей нежностью,
Нашей страстью,
Нашим трепетом друг перед другом,
Нашим желанием,
Нашей нестерпимой болью.

Нашей решительностью
Нашим эгоизмом,
Нашим преодолением эгоизма.
Нашим страхом,
Нашей верой в нас.
Нашей вселенной.
Нашей великой, нерушимой тайной.

Я падал,
А ты не отпускала.
Но я чувствовал,
Что мне суждено будет
Упасть и разбиться,
Во тьме вселенской раствориться.

Я чувствовал, как твои руки, твои пальцы
Жадно зачерпывают
Содержимое моего сердца –
Как воду из колодца.

Они его опустошали.
И я точно знал,
Что оно принадлежит тебе,
Ты им владеешь.

Я признавал, что ты

Неопровержимо и всецело
Властна надо мной.
И ты довольна?
Ведь это именно то, чего ты всегда хотела.

Ты в моих мыслях,
В моих снах,
В моих галлюцинациях,
В моих моментах просветления и осмысления.

И вот один из них.

И я говорю тебе,
Что нет ничего
Важнее твоей любви.
Ты та, кто ты есть.

Ты – моя мечта,
Моя боль,
Моя душа,
Моё сердце.

Моя мера всех вещей.
Моя слеза,
Моя тоска,
Моя меланхолия.

Всё это есть ты.
И даже чуть больше.
Ты та, кого я люблю.
Ты мой свет,
Моя вселенная.

Ты теперь повсюду.
Ты теперь везде.
Ты – на каждой звезде,
В её сиянии,
В её величии.

В твоём облики
Есть что-то от луны.
Но что на самом деле пытаюсь я сказать?
Во всём этом есть, вероятно,
Какой-то великий тайный смысл.
Но никто не в силах его постичь.

Только прочувствовать.
И сберечь.
И может,
Во всём этом, правда, есть
Какой-то великий тайный смысл...

Только я сбился, кажется, с мысли?..
Только я сбился, уж точно, с пути.
И я не знаю, куда мне теперь нужно пойти,
Чтобы тебя вернуть,
Чтобы тебя найти.

Лабиринт продолжает вращаться.
Его уже не остановить.
Но как мне оказаться
Там, где есть моя любовь,
Там, где есть ты.
И как мне
Навсегда там остаться?

Двери.
Великое множество дверей!
Великое множество самых разных миров,
Самых разных реальностей.

И мы – везде и всюду.
Сияет солнце, дует ветер,
И над всем этим нависает
Вещество.
А я продолжаю
Ждать нашей встречи.

Я открываю все двери.
Моё сердце вздрагивает
Каждый раз,
Когда я вижу тебя.
Но ты ускользаешь...

Твой крик был повсюду,
Твой взгляд был холодным,
Но душа – источала свет,
Который вёл меня,
Который грел меня,
Который спасал меня.

Ты кричала:
«Приди!».
И я бежал со всех ног,
Забыв обо всём.

Моё сердце стучало.
И где-то я видел,
Вон там впереди,
Где-то есть мир,
Где нам суждено будет вновь
Обрести былое единство.

Почему так случилось,

Что я потерял тебя?
Да, я знаю и помню,
Это я виноват.

Мне подсказывает боль,
Она не даёт забыть.
Я пытаюсь исправить
То, что тогда натворил.

Ибо тот лабиринт
Был творением рук моих
На них кровь, я чувствую,
Но как её можно смыть?

Ведь если б я знал,
То не был б, наверное, здесь.

Не был бы в этом сне,
Не бежал б в колесе,
Не писал б на стекле,
Что это слёзы мои –
Прямиком из души
Льются дождём.
Они смоют грехи?

Ты скажешь, что нет.

Я в глазах твоих вижу ответ.
Но не погаснет тот свет
И вовеки веков,
А то вещество нам подарит свободу.
Оно восстановит былую гармонию.
Ибо оно связывает нас вместе.

Но вдруг я вижу вдали,
Как ты снова мне машешь,
Как неистово пляшешь
И как будто целуешь меня.

Может, мне показалось?
Или я в самом деле сумел отыскать.
Тот самый след.
Который я вижу.
В сиянии лет.

Да не обратится во прах
Всё то, что сумели мы в жизнь претворить.

Этот путь становится невыносимым.
Может, мне станет легче, когда я сумею
Тебя всю покрыть
Тем веществом,
Что наполняет наш мир.

Между галактик происходит крушение.
Я принимаю
Необычайно
Важное решение.

Я не откажусь
От своей мечты.
Я непременно буду там,
Где будешь ты.

И не говори, что я тебя забуду,
Что не смогу и что не буду
Тебя любить
На следующий же день,
Когда закрыта будет дверь.

Я здесь останусь навсегда.
И моё израненное сердце
Будет биться
Лишь только для тебя.

Если тьма вдруг не отступит,
Я продолжу путь вслепую.
Ибо не померкнет свет твой никогда.

Но только ли свет
Нам откроет ответ?
Только ли свет
Отражает ту суть,
Что нам важно пустить
Прямо в сердце,
Как пулю,
Что разрывает
Все страхи и боль (все страхи и боль)
Прям с цепи сорвались.

И куда бы мне сесть,
Чтоб подкрасться, как бог.
Как плох тот последний,
Что был брошен в ночи
Он почти уж оглох.
Это был я?
Это было кто?..

И.
Просто мне
Объяснили когда-то,
Что пустые обещания
И напрасные мечты да надежды –
Это тот замок, где
Нам всем суждено будет сгинуть.

Но завтрашним днём
Мы проснёмся вдвоём.
И после осени наступит зима.
А ты снова будешь навеки моя.

Но пока что я здесь,
А ты – где-то там.
Я скучаю, поверь.
Я стучусь
В закрытую дверь.
Что же будет с нами теперь?

Моё сердце
Источает ту тьму,
Что наполняет наш мир.
И меня вместе с ним.

А мы ещё спим?
Иль куда-то спешим?
И это множество машин
Мне преграждает путь.

И как такое может быть,
Что я блуждаю во тьме,
Если свет исходит изнутри?

Ты поглубже посмотри.
Прямо в душу загляни.
Ты увидишь много боли,
Ты увидишь реки крови,
Изобилие страдания!
Твои робкие признанья,
Мои пустые обещанья,
И отрицание прощанья.

Великое множество дверей!

Вращаться лабиринт
Никогда не прекратит,
И где-то там в груди моей по-прежнему болит.
Я слишком долго был, наверное, в пути.
Но если хочешь спрятаться,
Позволь же мне тебя найти.

Я вижу свет, я слышу зов
И я уверен, что готов
Пытаться вновь и вновь,
Чтоб воскресить твою любовь.

Я говорю, что неспроста
То было как мечта,

Как сладкий и чудесный сон
Сердца ведь бились в унисон.

Но ритм был затем нарушен.
И кто ж посмел его нарушить?
Да, конечно, то был я, конечно, я.
Это я стал тем, кто всё разрушил.

Я сотворил тот лабиринт,
В котором ты скрывалась
И где намеревалась
Навеки обо всём забыть.

Но вещество
Что наполняло
Наш удивительный, прекрасный мир,
Субстанция,
Порождённая
Соитием наших душ
Вновь погружает меня
Во мрак вечного сна.

После зимы наступает весна
И этот твой радостный крик
Вновь пробуждает меня.

«Догоняй!», – слышу вот я,
Открывая глаза.

И самозабвенно ты бросишься прочь,
И в танце прощальном руками взмахнёшь,
Исчезнешь во тьме,
Призовёшь судьбоносную ночь.

Ну а я же отправлюсь искать.
Я буду тебя звать.
Я буду тебя ждать.
Я не умею отпускать.

И вновь это небо.
И вновь это поле.
И участь незавидной доли.
И печальное горе

Нашей любви.

Я бегу за тобой.
И, быть может, однажды
Я сумею догнать, сумею найти...

Вот – та самая дверь
Что приведёт меня к тебе.

Я открываю
И начинаю искать.
Я пробуждаюсь
Всецело,
Окончательно.

Инь-ян сияет звёздами.
Гармония больше не нарушена.
Равновесие восстановлено.
Лабиринт прекращает (всё же) вращаться

И исчезает, разрушается.

Свет
Меня наполняет.
Музыка наших слёз
Утихает.
Вещество принимает
Очертания нашей любви,
Нашей нерушимой, вечной связи.

«Ах вот ты где!» – весело кричу я тебе. – Попалась! – и
ты заливаешься радостным смехом.

И я целую тебя.
Покрываю тем веществом
Что наполняет наш мир.

И мне в самом деле
Становится
Чутьточку легче.
И мне это точно не кажется.

Всё взаправду, всё так и есть.
Ведь я говорю:
– Я больше тебя
Никуда не отпущу.

И ты пахнешь, как мечта.
Ты, как счастье,
Убиваешь наповал.
Твои объятия – самые тёплые.

Как хорошо, что я тебя нашёл.
Как хорошо, что я тебя догнал.

Падение

– И сколь же много всё-таки дней прошло с тех пор, как мы с тобою были здесь, – обращаюсь я к той, кого со мной больше нет. Но я чувствую и верю, что каким-то образом она слышит меня. И я продолжаю говорить с ней, поднявшись на вершину горы Непреложного Единства. – Мы были здесь, когда сочетала нас союзом Всесильная Мать. И Великий Отче был нам свидетелем. И Первозданный Феникс. И все нимфы и сатиры. А потом, помнишь ли ты, мы, счастьем охваченные, вернулись сюда, когда бороздили просторы нашей вселенной. И гармония царила всюду, и был Линдеракс так прекрасен! Мы танцевали, сливаясь воедино друг с другом. А я в какой-то момент едва не сорвался в бездну, которая вдруг разверзлась подо мной. Словно поджидала она меня всё это время, словно давно уже хотела поглотить меня. Но ты была со мной, ты спасла меня, ты сказала: «Non sinam te cadere», – и эти слова стали священными. Они служили мне спасением. Но только не теперь – теперь всё изменилось. И когда вновь появился я на горе Непреложного Единства, тебя со мной уже рядом нет. И болью отзывается в сердце это осознание.

И вот стою я здесь, с тоской оглядываю наши с тобой владения. Я вижу твоё любимое озеро, на берегу которого растёт кипарис, посаженный мной во славу нашей любви, я ви-

жу твой величественный храм, мой скромный дворец, вижу ту пещеру, в которой ты некогда скрывалась от меня, вижу наш дивный сад, вижу отражение былой красоты, которая без тебя утратила всякий смысл. Мир кажется мне пустым и холодным. И сам того не ведая, быть может, я с готовностью погружаюсь в эту пустоту. Ибо что мне ещё остаётся? Я делаю шаг навстречу тьме.

И ею я теперь окружён. И я падаю. Звёзды вспыхивают и гаснут, они обращаются в сияющие капли дождя, застывшие во времени. Я восхищаюсь их красотой. А вдали, в вышине, виднеется чёрное полотно небес, на фоне которого неожиданно возникла ты; и стала танцевать под музыку хрустальных замков. А я любовался тобой как в первый раз. Зелёное сияние твоих глаз было единственным, что могло вернуть меня обратно. Но ты этого не хотела, я думаю. Ты лишь всё танцевала, танцевала и танцевала. А я падал, падал и падал. Целую вечность. И нестерпимая тоска вновь пронзила моё сердце, она мучила меня. Душа моя тянулась к тебе, желая заново обрести утраченное. Только вот было уже слишком поздно. Я погружался всё глубже во тьму.

Видела ли ты меня и моё падение? Была ли счастлива видеть, как поглощает меня неизбывная тьма? Или ты сожалела об этом, быть может? Спасла бы ты меня вновь, если б могла? Я пытался сам вырваться из лап тьмы, я правда пытался, но ничего не получалось. И я всецело покорился ей. Музыка звучала всё тише, тьма сгущалась. При этом твой

образ оставался столь же ярким и не менее далёким, чем прежде.

Вскоре тьма поглотила меня окончательно. Не было ни звуков, ни света. Но я мог ещё чувствовать тебя. И я надеялся всё же услышать пусть даже самый слабый шёпот слов заветных: «Non sinam te cadere». И тогда вернулся бы я, и вновь стал бороться за целостность нашего мира. Но тишина была неумолима. И я закрыл глаза. И прошептал тебе на прощание:

– Je veux qu'on se voit.

И растворился я во тьме без остатка в то же мгновение.

А ты всё танцевала, танцевала и танцевала. Видение этого танца, воспоминание о нём осталось единственным следом моего пребывания в Линдераксе.

Встреча с Дочерью Пустоши

Как тьма рождает свет, так любовь рождает страх. Ибо что может быть страшнее, чем потерять ту, кто счастьем наполняет сердце твоё, кто умиряет дикую бурю души твоей?

А Царь Всех Ветров был ведь вне себя от счастья, когда встретил Небесную Герцогиню. Всё его естество было охвачено одним лишь чувством – чувством безмерной любви к ней. И не только своей красотой она восхищала его. Она была ещё и бесконечно мудра и умна, она была единственным человеком, который по-настоящему мог понять его. Впервые в жизни он больше не чувствовал себя одиноким. И когда гуляли они в саду Светлой Гармонии, а он делился с ней своими мыслями, чувствами и наблюдениями, она внимала словам его всецело и с неподдельным интересом, порой даже забывая дышать. И смотрела она на него так, что он ощущал себя богом. А когда после тягостных, пространных, но не лишённых красоты его рассуждений, наставлял всё же её черед говорить, она ограничивалась короткой и вместе с тем очень меткой ремаркой; и поражался Царь Всех Ветров не только тому, как у неё это выходит, но и тому ещё, что эти слова указывали ему на то, что Небесная Герцогиня действительно способна понять все его мысли и чувства. И это было ему непривычно. Но как легко, как радостно и тепло становилось на его душе, когда не возникало в нём в очередной

раз горького разочарования от того, что слова его оказываются будто бы и не услышаны вовсе. От того бросался он к Герцогине, чтобы заключить её в объятия, чтобы покрыть прелестное личико её поцелуями. И затем с новой силой начинал он говорить с ней так, будто беседа их насыщала его живительной влагой.

И много дней чудесных провели они вместе, любясь красотами Линдеракса, изучая их, как изучали они души и сердца друг друга, проникая всё глубже, в самые тёмные, сокрытые от всех коридоры. И много всего прекрасного ждало их впереди. Но всё это однажды оказалось утрачено, когда решили они в очередной раз забраться на вершину горы Непреложного Единства. И там, в своём обыкновении, Царь Всех Ветров, шагал рассеянно, глядя на звёзды, размахивал руками и говорил своей любимой о том, сколь совершенен их союз. И так увлёкся он своим рассказом, что оступился и едва не рухнул вниз.

Ему удалось выбраться. Но Тьма проникла в его душу. Та Великая Тьма, что обитала в той жуткой бездне, что разверзлась под ним, готовая принять его. Словно дожидалась она целую вечность, когда сможет наконец поглотить того, кто повелевает ветрами. Воплощённый страх Небесной Герцогини, прежде ей неведомый, страх потерять свою любовь навсегда, так проявился в Линдераксе, принял он такую форму. И частичка той тьмы осталась с Царём Всех Ветров даже когда опасность уже миновала.

И наступила затем мрачная, холодная ночь. Утомившись, Царь Всех Ветров лёг в постель и погрузился в глубокий сон. Тьма возобладала над ним. И во сне было ему видение. Странствующий Рыцарь Напрасных Надежд возводил огромный лабиринт. И предстал он пред Царём Всех Ветров в почти завершённом своём виде. И когда последний камень занял своё место, увидел он процессию, состоявшую из священника, судьи, вора, крестьянина, купца и мельника. Они вышли из лабиринта и направились к озеру умиротворения, чтобы затем сгинуть в его водах. И разбрасывали они белые лилии и без конца повторяли такие слова: «Nix, pox, vox, lachrymae, sulphur, sitis, aestus, malleus et stridor, spes perdita, vincula, vermes».

И когда их тени исчезли во тьме, за ними вышла та, кого зовут Дочь Пустоши, явив себя Царю Всех Ветров. И увидел он тогда её обнажённое тело, её серую кожу, покрытую множеством шрамов. Не увидел он лишь её лица – ибо сокрыто оно было за бронзовой маской. Глаза её сияли самой дикой, неистовой, несокрушимой яростью. В руках она сжимала клинок, а там, куда ступала нога её, там вырастали чёрные цветы.

Дочь Пустоши приблизилась к Царю Всех Ветров, взяла его за руку, и ледяной холод её прикосновения сковал его душу, и он не мог пошевелиться. Она зашла ему за спину и прошептала на ухо:

– Adamah, – Дочь Пустоши с нежностью коснулась его

грудь. Царь Всех Ветров хотел ей помешать, но не мог. – Erez, – тьма стала сгущаться всё сильнее. – Nehsiyyah, – тело его воспарило в воздухе. – Dumah, – Дочь Пустоши пронзила клинком его грудь. – Sheol, – и сорвала с лица маску. И увидел он тогда её безобразное, как у ящерицы, лицо. И оказался он охвачен ужасом. Но даже вскрикнуть был не в силах. – Tit ha-Yaven, – она впилась губами в рану и принялась жадно пить его кровь. И руку взяла она Царя Всех Ветров, вынуждая его коснуться её плеч, её груди, живота её и бёдер. Но не испытывал он при этом ничего, кроме отвращения. А она смеялась, видя его муки, она наслаждалась, она стонала и воскликнула, сияя зловещим восторгом: – Наконец-то! Как давно я этого ждала!

И отпрянула она затем, всем своим видом показывая, что он ей противен. И заглянула она ему глубоко в глаза. И понял тогда Царь Всех Ветров, что может слышать её голос даже когда губы её не шевелятся. Она сказала: – Мы с тобой ещё обязательно встретимся. И ты непременно познаешь всю тяжесть бремени одиночества.

И скрыла она вновь лицо своё бронзовой маской, и исчезла в лабиринте.

В холодном поту проснулся Царь Всех Ветров. И в небе увидел он мрачное знамение, услышал он раскаты грома. И почуял недоброе. И отправился он к храму Небесной Герцогини.

Разлад

На полпути к храму встретила Царя Всех Ветров сама Небесная Герцогиня. Взгляд её выражал тревогу. И небо от того сделалось мрачным.

Они долго стояли и смотрели друг на друга, пытаясь по глазам понять сокровище в душе.

– Что-то случилось? – спросила наконец Герцогиня.

– Я видел дурной сон, – ответил Мавинд.

– Сон? – Герцогиня встревожилась ещё сильнее. – Что за сон? – и молния вспыхнула в небе.

И точно так же вспыхнули перед Мавиндом те образы, что явились ему во сне, образы, которые внушали страх и ужас, образы, которые преследовали его и наяву.

Мавинд раздумывал, стоит ли сказать Герцогине правду.

«А вдруг это заставит её отвернуться от меня навсегда? – возник сам собою в голове его вопрос. – Что, если она уйдёт, и я больше никогда её не увижу?»

Необычайно живо представил Мавинд себе это. И он позволил страху возобладать над ним. И это понудило его скрыть от Селеды всю правду.

– Да просто кошмар, от которого мне стало не по себе, – ответил Мавинд.

Молчание его несколько затянулось. И это, конечно, лишь усилило подозрения Герцогини.

– Правда? – уточнила она.

– Да, любимая, – заверил Мавинд.

Ложью осквернил он их союз. Единение больше не могло быть совершенным, гармоничным, священным. И где-то вдали, глубоко в лесах Линдеракса возникла трещина, сквозь которую стала просачиваться живая тьма. Они не видели этого, но почувствовали, что случилось нечто ужасное.

И сам воздух задрожал, а Первозданный Феникс издал тревожный крик, и небо сковали тучи, и ветер всколыхнул основу мироздания. Да так что, что аж Дух Первоначал Всего Сущего едва не рухнул со своего высокого трона.

– Мы можем пойти куда-нибудь? – спросил Мавинд Селеду. Отчасти, чтобы отвлечь её, но вместе с тем ему действительно хотелось уйти. – Мне что-то не по себе. Я хочу побыть с тобой наедине.

– Но мы ведь и так одни, – удивлённо ответила Селеда, озираясь по сторонам.

– Нет, я хочу, чтобы мы остались совсем одни. К тому же, меня не покидает, душа моя, ощущение, что кто-то наблюдает за нами, – и на сей раз он говорил правду.

Селеда согласилась; она взяла Мавинда за руку и повела в лес. И чем глубже они продирались сквозь чащу, тем более холодным казалось ему её прикосновение. И она чувствовала то же самое. Это заставило Селеду встревожиться ещё сильнее. Она собиралась поделиться с Мавиндом своими ощущениями, как вдруг они наткнулись на загадочную

старую хижину, неведомо откуда взявшуюся, словно возникшую перед ними в одно мгновение. И Мавинд воспринял это как знак.

– Мы должны войти туда! – был уверен он.

И прежде, чем успела Герцогиня возразить хоть что-то, как он уже затащил её за собой в хижину.

Внутри было не слишком просторно, но уютно. Хижина была разделена на зоны. Справа находилось спальное место, слева – кухня, совмещённая с гостиной, а в глубине её, дальше, располагалась ванная комната.

В хижине могли найти они всё необходимое. И даже нечто большее. Холодильник и буфет полны еды, плита работает, есть горячая вода и электричество, кровать в спальне застелена свежим постельным бельём, в гостиной – просторный диван, два кресла, маленький телевизор, виниловый проигрыватель и несколько пластинок, стены украшены картинами – репродукции Ван Гога, Дали и Магритта, пол застелен тёплым ковром бордового цвета. Словно кто-то специально подготовил это место для них.

Мавинд первым делом стал копаться в пластинках.

– Ты посмотри! – восторженно воскликнул он. – Здесь есть Part Time! И Choir Boy! И Starflyer 59! И Her's! И куча всего ещё! Что хочешь послушать?

– Не знаю, – ответила Селеда отстранённо. – Выбери на свой вкус.

Мавинд достал из конверта альбом «Invitation to Her's»,

поставил пластинку, опустил иглу, включил проигрыватель. Зазвучала музыка. Мавинд надеялся, что это отвлечёт Герцогиню. Но она словно и не слышала музыки. Она лишь хмурилась и озадаченно глядела по сторонам, она что-то искала (и сама не знала что), прислушивалась к тому, чего нельзя услышать, принюхивалась к неуловимым запахам.

– Я чувствую что-то неладное, – проговорила она встревоженно. – Будто нечто зловещее витает в воздухе. – Тебе так не кажется? – обратилась к Мавинду Селеда. Она надеялась, что не одинока в этом своём ощущении, что он поможет ей сбросить эту тяжесть, которая сковала теперь её сердце, что он разделит это с ней – и вместе они всё преодолют. Как и всегда.

Но Мавинд уже знал, что на сей раз так не получится. Они были порознь. Между ними наступил разлад. И он становился сильнее с каждым мгновением, разъедая саму ткань пространства, отдаляя их друг от друга.

«Стоит ли сказать ей всю правду? – размышлял он. – Или будет лучше всё же сохранить это в тайне? Ведь вдруг я потеряю её, если скажу правду?»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.